

РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ СТРОФ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»*

© 2015 г. Евгений Михайлович Верещагин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия
zhnya2956@yandex.ru

За строфой V («Скажи, которая Татьяна...») в черновике главы третьей «Евгения Онегина» имеется еще одна строфа, которой нет в печатных изданиях романа и которая маркируется как Va («В постеле лежа — наш Евгений...»). В добавление к упомянутой строфе Пушкин записал еще наброски двух других строф (Vb и Vc), которые состоят из нескольких слов. Рече-поведенческий анализ, предложенный автором статьи и примененный к четырем строфам (две незавершенные), позволил заключить, что первоначальный сюжет романа изменился не ранее, чем после этих строф. Согласно первоначальному намерению Пушкин предполагал, что Онегин влюбится в Татьяну с первого взгляда, немедленно. Впрочем, автор статьи занят не столько общим заключением, сколько многочисленными конкретными переинтерпретациями фоновых деталей. Они демонстрируют победу сердечной любви над «байронизмом», свойственным пресыщенному денди Онегину.

Ключевые слова: строфа, черновик, печатные издания, рече-поведенческий анализ, первоначальный замысел, фоновые детали

A SPEECH AND BEHAVIOUR-BASED INTERPRETATION OF FOUR STANZAS FROM CHAPTER 3 OF «EUGENE ONEGIN»

Eugene M. Vereščagin

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia
zhnya2956@yandex.ru

Following stanza V («But tell me, which one was Tatyana?...») there is in the rough draft of the third chapter of Pushkin's «Eugene Oegin» another stanza not present in printed editions of the novel and marked as Va («Oegin lying on the bed...»). In addition to the mentioned stanza Pushkin also wrote drafts of two other stanzas (Vb and Vc), consisting of only several words. A behavior-oriented linguistic analysis developed by the author of the article and applied to the four stanzas (two uncompleted) allowed to demonstrate that the original plot of the novel was changed not earlier than after these stanzas. According to the original intention Pushkin wanted Oegin to fall in love with Tatyana at a glance, immediately. The author of the article is mainly occupied not with the general conclusion but with many concrete and newly interpreted background details capable to show a decisive and early victory of sincere love over the skeptical «Byronism» typical to the bored for Oegin.

* В статье использована методика аналитической концентрации на малом объеме текста, предложенная и реализованная автором в процессе работы по проекту № 14-04-00431 «Филологическое исследование древнейшей славянской переводной гимнографии: художественная форма и содержание минейных канонов», финансируемому РГНФ.

Замысел статьи появился у автора после интересного доклада Н. В. Перцова, сделанного им на заседании ученого совета Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (24 апреля 2014 г.). Все лето основные положения статьи интенсивно обсуждались с докладчиком, который к тому же любезно выполнил транскрипции ряда нужных строф и позволил их публиковать. Правда, в конце концов позиции автора статьи и Н. В. Перцова разошлись. Хотелось бы от души поблагодарить Николая Викторовича за всестороннюю помощь. Сердечно благодарю также И. Г. Добродомова, с которым материалы статьи неоднократно и пространно обсуждались.

Keywords: stanza, rough draft, printed editions, behavior-oriented linguistic analysis, original plot, background details

1. Предварительные замечания

Сначала аналогия.

Библию на протяжении без малого трех тысячелетий интерпретирует армия специалистов, но ставить точку все еще рано. Пушкина на протяжении без малого двух веков изучали и толковали многочисленные проницательные эрудиты. И тем не менее дальнейшие текстологические открытия и инновационные понимания в пушкинистике реальны.

Трудно ожидать единогласия среди библистов. Нет его также в среде пушкинистов. Соответственно и настоящая статья предлагается для дискуссии.

В библиистике последнего времени наметилась тенденция все большего и большего сокращения объема текста, который исследует ученый, — вплоть до одного стиха и даже слова. За счет концентрации на малом пространстве исследователь, все более углубляясь, скорее приходит к подлинным инновациям, чем составитель обобщающей монографии, внимание которого расплылось¹.

Опираясь на данную парадигму, автор предлагает акрибическое (и определенно не тривиальное) прочтение одного небольшого фрагмента из главы третьей «Евгения Онегина» — двух полных строф и двух неполных (всего 32 строки).

Эти три десятка строк, если их переинтерпретировать, приобретают серьезное значение для понимания общего замысла и сюжетосложения романа².

В то же время главный результат своих разысканий автор видит в деталях — в конкретных перетолкованиях небольших текстовых фрагментов. Конкретные исследования, надемся, превосходят уровень «совершенно понятного». Поначалу они не могут не вызывать естественного скепсиса, поскольку идут против привычного.

Итог важен, но еще важнее путь к нему, ибо в нашем случае общая завершающая переинтерпретация выводится только из совокупности деталей.

В статье имеется транскрипционный блок. Новые транскрипции онегинских строф по черновикам подготовлены (Н. В. Перцовым в 2014 г.) специально для задач статьи; они-то и позволили выполнить новые экспликации и интерпретации.

Транскрипции черновиков проливают свет на авторедактуру поэта, а мы полагаем, что углубление в пушкинские строки должно основываться не только на прижизненной и современной печатной редакции «Евгения Онегина», но и на анализе авторской правки в черновых и беловых рукописях. Правка эта (авторредактура) велика и обильна; игнорировать ее означало бы лишиться себя наблюдений в области творческой истории «Евгения Онегина».

Не все пушкинисты стоят на данной позиции, и далее, уже имея в руках аргументы, мы надеемся взгляды этих ученых пошатнуть. Обильная авторредактура — характерная особенность творчества Пушкина: он неустанно (на всех этапах движения рукописи к печатному станку) правил сам себя³.

Нередко текстолог исследует рукопись для того, чтобы выявить единственный «окончательный вариант»; все остальное ему не интересно. Между тем автор данных строк исходит из того, что ни один из вариантов не может быть исключен из анализа. **В с е в а р и а н т ы** суть элементы творческого процесса: сочинитель сам предложил, например,

¹ В частности, подобный подход реализован автором: пространству из всего четырех евангельских стихов (Лк 10:38—42 («гостеприимство Марфы и Марии»)) посвящено обширное толкование; получены непредсказуемые результаты [Верещагин 2013: 277—520].

² Близким нашей методике является анализ в статье [Берков 1962], посвященный всего одной строфе из «Евгения Онегина».

³ Даже личные письма, заведомо не предназначенные для печати, Пушкин иногда сначала писал начерно, интенсивно правил, а в беловые листы все равно вносил замены [Левичева 2001].

то или другое слово; сам рассмотрел и оценил его; затем вычеркнул; затем восстановил; снова вычеркнул (и еще раз вернул); сам оставил слово для собственной и писарской переделки; затем исправил в белой копии, на этапе корректуры или при переиздании; наконец, сам его навсегда удержал или от него отказался.

Следить за мыслями великого человека — драгоценная наука⁴. Закрепил автор слово или на каком-то этапе его вычеркнул — это обстоятельство не отменяет факта, что как закрепленное, так и вымаранное слово было звеном в цепи творческого процесса. Соответственно, оно самоценно на своем месте, а иногда может иметь значение и для всего текста произведения.

Именно таков наш случай. Мы надеемся показать, что краткий фрагмент «Евгения Онегина», к тому же наполовину оставшийся в черновике, способен пролить свет на историю модификации замысла Пушкина и на движение сюжета романа.

Теперь о конкретном материале. Всего, как сказано, изучено четыре строфы из главы третьей «Онегина» — две полные (V и Va⁵) и две в набросках (Vб и Vв).

Ниже помещена строфа V — в том виде, в каком она содержится в современных печатных изданиях (т. е. по новой орфографии⁶). Для дальнейшего потребуются варианты, не прошедшие в печать (из черновиков и беловиков) или замененные в прижизненных изданиях «Евгения Онегина» самим поэтом. Одна часть соответствующих фрагментов (без каких-либо орфографических и пунктуационных изменений) приводится нами по транскрипциям Б. В. Томашевского [БАСС: 306—307]; другая часть берется из публикации черновых тетрадей Пушкина, а также из пока не изданных транскрипций Н. В. Перцова⁷ (его нотация изложена в сноске⁸).

Итак, после «канонической» строфы встык подверстаны: фотокопии (факсимиле) черновика и транскрипция.

⁴ Аллюзируется афоризм, приложенный Пушкиным к «Петру I» (<Арап Петра Великого>, гл. III). Афоризм в исходном виде составил последнюю фразу настоящей статьи.

⁵ О литерной нумерации говорится ниже.

⁶ Транскриптор, естественно, обязан придерживаться орфографии поэта, т. е. «старой», и не вводить и не вычеркивать пунктуационных знаков, даже если они расставлены вопреки правилам. (В [БАСС], однако, подобная акрибия не соблюдена.) Интерпретатор, в отличие от транскриптора, может придерживаться «новой» орфографии, поскольку по ней Пушкин печатается начиная с 1918 г. Так поступают и консервативные пушкинисты (например, Набоков).

⁷ Н. В. Перцов систематически выполняет транскрипции черновых рукописей А. С. Пушкина и открывает факты, которые до сих пор не были введены в научный оборот (или введены с ошибками). Казалось бы, по отношению к творчеству Пушкина транскрипционная работа уже проделана — в БАСС на фоне печатной версии пушкинских произведений приведены «другие редакции и варианты». Однако по итогам транскрипций Перцова оказалось, что (при в целом, конечно, правильной расчитке) некоторые варианты в БАСС прочитаны неверно, а некоторые пропущены. При всей важности новых транскрипций, они не делают излишним обращения прямо к черновикам поэта. Действительно, транскрипции ничего не сообщают о чернилах рукописи и о качествах перьев, которыми пользовался поэт. Между тем цвет, густота, разбавленность, перемена чернил, равно как следы то тонкого, то толстого пера, да даже и моменты обмакивания пера в чернильницу — это всё индикаторы остановок и последовательных слоев редактирования. Иными словами, транскрипции не самодостаточны и предполагают обращение к фотографиям черновиков.

⁸ Довольно обширная номенклатура знаков для передачи восстанавливаемых текстов полностью изложена в статье [Перцов 2015]. Сейчас она у нас представлена в сильно сокращенном виде; показаны лишь те знаки, которые использованы при расчитке строф V и Va—в. Некоторые знаки высокочастотны (1, 3, 4, 6, 7), а некоторые встретились по одному разу (2, 5). Нотация и правила внутреннего расположения элементов транскрипций таковы: 1. Зачеркивание с использованием реальной линии: Уймись мой милый; 2. Если в рукописи вариант зачеркнут, но не заменен, а затем поэт его восстановил, то используется подчеркивание: вечерних; 3. Конъектура транскриптора показывается угловыми скобками: По<с>лушай, Ленск<о>й, Онъг<инъ> за<молчалъ>, съ ох<отой>, гр<усти>на; 4. Знаком ^ показывается недописанная концовка слова: св^, кра^, румян^; 5. Комбинацией знаков []> показана замена варианта: [И]>Но; 6. Квадратики показывают неразобранный фрагмент (количество квадратиков примерно соответствует количеству букв): □□□□□□; 7. Слитное написание в оригинале показывается низкой чертой между словами: я_выбралъ бы_другую, Неужь-то я_въ_нее влюбленъ;

ПД 834-49v. Гл. 3, V (окончание)

Та□□□^

Кра^

меньшую

Ужели ты влюбленъ въ_другую

А что — я_выбралъ бы_другую

Та□^ Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ

Въ—чертахъ □какъ<ъ> въ-ся—лицѣ

Ни чувствъ ни—жизни— нѣтъ

ея движень-я Мадоннывъ лицѣ Какъ у Мар<ин> Рафаеля —
твоей

Она—румяна—и—бѣла

Въ чертахъ у Ольги жи<зни нѣтъ>

Какъ въ Ра<фаелевой Мадонѣ>

рум<ян^>

□□□□ невинный

Мнѣ надо<ѣли>

Всякъ молиться своей
иконѣ

Влад.<имирь> сухо от<в>ѣчалъ

И нашъ

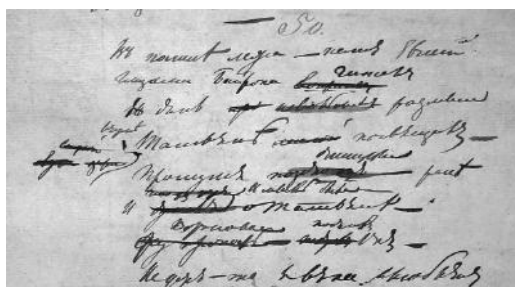
Онѣгинъ Онѣг<инь>_за<молчалъ>

Постановка кавычек, запятых, вопросительных знаков и двоеточий в рабочей тетради Пушкина отсутствует (пунктуация привнесена издателями БАСС).

На непосредственно следующей странице 50г помещена строфа Va. Она не попала в печатное издание «Онегина» и потому имеет не порядковый цифровой, а внеочередной литерный номер — Va (что значит: она первая следует за строфой V):

- (1) В постеле лежа — наш Евгений
- (2) Глазами Байрона читал
- (3) Но дань вечерних размышлений
- (4) В уме Татьяне посвящал —
- (5) Проснулся <он> денницы ране
- (6) И мысль была все о Татьяне
- (7) Вот новое подумал он —
- (8) Не уж-то я в нее влюблен
- (9) Ей богу это было б славно
- (10) <Себя> <уж> то-то б одолжил
- (11) Посмотрим — и тотчас решил
- (12) Сосед<ок> навещать исправно
- (13) Как можно чаще — всякой день
- (14) Ведь им досуг а нам не лень

ПД 834-50г. Гл. 3, Va (начало)

Въ постелѣ лежа — нашъ Евгений

Глазами Байрона читалъ

~~вечернихъ~~

[И]>Но| дань ~~сердечныхъ~~ ~~невольныхъ~~ размыш<лений>
въ_умѣ

Татьянѣ ~~милой~~ посвящалъ —

Самой

Лучей зарн

денницы

Проснулся ~~поздно онъ~~ — ранѣ

~~что же думалъ~~ И мысль была <все>

И ~~думалъ~~ о Татьянѣ —

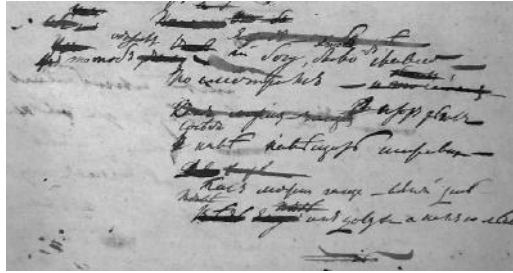
Вотъ_новое

подумалъ

Фу пронасть — ~~подумалъ~~ онъ

Неужь-то я_въ_нее влюбленъ

ПД 834-50r. Гл. 3, Va

Илъ Съ — бѣ
 Себя ужъ Потомъ Оно бѣ
 Я радъ — оно бѣ — мнѣ
 это бѣ
 Илъ одолжилъ Оно бѣ ей богу, было бѣ славно —
 Ужъ тотобъ удивилъ рѣшилъ
 Посмотримъ — и то^Δ ейчасъ —
 и тотч^Δасъ^Δ рѣшилъ
 Какъ можно чаще
 Сосѣд^{<ку>}
 И навѣ навѣщать исправно —
 Два еперва
 Какъ можно чаще — всякой день
 Вдовѣ Вѣдѣ
 Вѣдѣ Ему имъ досугъ а намъ не лѣнь

Что касается строки (12) («сосед<ок>»), как она прочитана в [БАСС: 308], то публикаторы, как кажется, сделали шаг назад. Прочтение «соседк{y}», в свое время предложенное М. Л. Гофманом [Гофман 1922: 87], по мнению Н. В. Перцова, предпочтительнее: в черновике «после фрагмента “Сосѣд” в начале предпоследней строки следует начертание, больше всего напоминающее букву “и” или “к”. Наиболее вероятный кандидат — это буква “к”. Тогда следует признать, что перед нами — недописанное слово “Сосѣдку”, т. е. тогда выходит, что Гофман прав»⁹.

Эту строфу публикаторы [БАСС: 307—308] оставили, за исключением перевода старой орфографии в новую, такой, какова она в черновике, т. е. без знаков препинания¹⁰.

Поэт не ввел вполне законченную и отделанную («онегинскую») строфу Va в беловик, так что она не попала ни в одно из изданий романа. В то же время Пушкин ее не перечеркнул; более того, дорожа ею, поэт вернулся к ней в другом произведении (о чем ниже).

После написания строфы Va «В постеле лежа — наш Евгений» Пушкин набросал начала еще двух строф, которые также остались в рабочей тетради и которым поэтому по конвенции присвоены литерные номера: (вторая после V) — Vб и (третья после V) — Vв.

- (1) <Решил> и скоро стал Евгений
- (2) Как Ленской¹¹ [БАСС: 308]
- ...
- (1) Ужель Онегин в самом деле
- (2) <Влюбился> [БАСС: 308]

⁹ Из письма.

¹⁰ Эту позицию хочется одобрить: если бы публикаторы ввели пунктуацию от себя, они на деле навязали бы читателю свою (единственную) интерпретацию чернового текста.

¹¹ Орфограмма *Ленской* содержится в черновике.

того, Евгений решил уподобиться Ленскому до конца и наезжать к Лариным не просто время от времени, а «всякой день». По этикету Пушкинской эпохи ежедневные посещения допускались только для жениха. Значит (*horribile dictu!*), Онегин был готов сделать предложение немедленно.

Все это очень неожиданно! У среднего читателя и у любителя-энтузиаста, да и у профессионального пушкиниста немедленно возникает естественное возмущение.

Дальнейшее развитие сюжета пошло по руслу, известному нам со школьной скамьи. Согласно печатной версии, в деревне Онегин НЕ ответил Татьяне взаимностью и, вопреки намерению «соседок навещать исправно», не только НЕ поехал к ним сразу же, но и НЕ появлялся у них порядочное время (пока героиня не вызвала его письмом).

Содержание строфы Va не согласуется и с образом Онегина (как его ранее обрисовал Пушкин): бесстрастный скептик и байронист должен подавлять свои эмоции и, не унизив себя, не может воспламениться.

Как объяснить это «противоречие»? Да и противоречие ли перед нами?

Подобным вопросом комментаторы романа задавались, но довольно бегло.

Так, В. В. Набоков усмотрел в строфах Va—в «начало традиционного сюжета» [Набоков 1998: 292]. Он назвал строфу Va «начатой с фальстарта» [Там же: 294] и отмахнулся от нее.

Н. Л. Бродский отнес строфу Va к числу сюжетных aberrаций: по его мнению, набросок строфы Vb «сразу перечеркнул сюжетное движение романа». По мысли ученого, сюжет о мгновенной влюбленности Онегина был-таки присущ Пушкину, но держался в его сознании (и в чувствованиях героя) очень короткое время, а затем поэт его «заморозил» [Бродский 1950: 170]. Чувство овладело Евгением якобы лишь «на минуту» (Гл. 4, XI). Между тем легко заметить, что именно набросок Vb не дает оснований говорить о перемене смысловой линии строфы Va.

А. Е. Тархов полагает, что в строфах Va—в описана «отнюдь не та действительная любовь героя, которая ждет его впереди» [Тархов 1978: 224].

Кажется, первым пушкинистом, который уделил строфе Va серьезное внимание, стал С. Г. Бочаров. Уже в работе 1986 г. (которая затем переиздавалась; см. [Бочаров 1999]) он пишет: «В черновой рукописи 3-й главы романа был намечен сюжетный ход, от которого тут же автор отказался — но все же он был намечен: Онегин сразу же после первой поездки к Лариным начинает влюбляться в Татьяну <...>. Типичный для творческого процесса случай отвергнутой сюжетной возможности. Если представить себе, что роман бы пошел по намеченному пути, то нельзя, конечно, предугадать, к чему бы он поэта привел, но вероятно одно: того романа “Евгений Онегин”, с его основной ситуацией трагического разминовения двух центральных героев, этого романа, который все мы знаем, в русской литературе бы не было» [Бочаров 1986: 144].

В строфе Va ученый усматривает отклонение «от должного» [Там же: 149], т. е. предполагает, что в замысел поэта любовь Онегина и Татьяны (с первой встречи) изначально не входила. У нас же, напротив, имеются аргументы, по которым замысел романтической взаимной любви присутствовал у Пушкина с самого начала, а переменялся вследствие отхода поэта от романтизма и перехода к бытописанию. Такое совершилось как раз после создания им строф Va—в (о чем ниже).

В целом же позиция Бочарова по итогу не отличается от нашей. Однако, путь доказательства у нас разный: исследователь предлагает широкий интертекстуальный литературоведческий анализ и, используя строфу Va как отправную точку, делает акцент на общей концепции «возможных сюжетов», тогда как автор настоящей статьи строго держится лингвистического подхода и разбирает исключительно конкретные тексты.

Итак, строфы Va—в действительно сопряжены с подлинными загадками. С одной стороны, они по содержанию продолжают строфу V и образуют с ней композиционное единство. С другой стороны, содержание строф Va—в решительно расходится с дальнейшим развитием событий в печатной версии романа.

Замечание о манере исследования и изложения, принятой в настоящей статье: образцом послужил незавершенный историко-филологический трактат Пушкина <«Песнь о полку Игореве»>. Свои профессиональные лингвистические разыскания поэт¹² излагал полемично, но доказательно, с подробным разбором конкретных примеров. Он умело использовал такие приемы, как риторический вопрос и даже *argumentum ad hominem*¹³.

Самое главное в апостериорном методе Пушкина состоит в том, что он сначала перетолковывает небольшие фрагменты и слова в надежде под конец сококупить их в итоговой интерпретации.

В работе над «Песнью» поэт приостановился, но если бы он довел свой постишный анализ до конца, то получился бы обширный трактат. Объем научного труда определяется объемом привлекаемого материала.

Настоящая статья также состоит, во-первых, из рассмотрения конкретных тематических блоков (см. ниже: «тактики похваления» (раздел 2), «тактики порицания» (раздел 3), «двое-ние мыслей» (раздел 4), «борение с собой» (раздел 5), «любовь побеждает байронизм» (раздел 6), «решение принято» (раздел 7)) и, во-вторых, из подытоживающего всеобъемлющего блока («Признаки изменения сюжета “Евгения Онегина”» (раздел 8)).

В каждом случае материал изложен кратко, но блоков на протяжении 32 пушкинских строк оказалось, как видим, семь, так что по необходимости получилось пространное изложение.

Иногда можно столкнуться с вопросом: «Зачем копать и выставлять на свет божий варианты, которые сам Пушкин зачеркнул, а временами и густо замазал? Их для печатной версии как бы и не существовало»¹⁴. Такова позиция, например, новейшего комментатора «Евгения Онегина» В. П. Старка¹⁵.

Ср. противоположную позицию Л. В. Лосева, комментатора творчества Иосифа Бродского: «В идеале каждый поэт заслуживает быть прочитанным от корки до корки — от детских опытов до оставшихся неоконченными черновиков. Только при таком знакомстве читатель получил бы от поэта все, что поэт может ему дать» [Лосев 2006: 10]. Действительно, каждая зачеркнутая или введенная запятая (слово, строка) заслуживает изучения¹⁶, так что мы учитываем все без исключения варианты, не вошедшие в печатный текст. Опущенные строфы, если они отделаны, ни в чем не уступают строфам печатной версии.

У Пушкина невообразимая интенсивность правки сопровождается ее эзотеричностью. Поэт правил для себя, довольствовался недописанными словами (вплоть до одной буквы), использовал символику, показывающую пропуски текстов (которые собирався дописать или которые надо было взять из другого места), и т. д. Многое вообще оставалось только в голове. Об этом свидетельствуют авторские беловики: в них появляются варианты, которых в черновике нет. Поэт продолжал творить в процессе как собственноручной переделки черновика, так и чтения беловой писарской копии.

¹² Лингвистическую компетенцию Пушкина признавали его современники — например, египтолог академик И. А. Гулянов и латинист С. С. Мальцев (сообщение П. В. Нащокина по записи П. И. Бартенева; помещено в книге [Вересаев 1984]).

¹³ В гуманитарных исследованиях трудно избежать этих двух «ненаучных» приемов.

¹⁴ Пример подобной логики привел В. В. Набоков, приписав ее Н. Г. Чернышевскому: «Для Чернышевского гений был здравый смысл. Если Пушкин был гений, рассуждал он, дивясь, то как истолковать количество помарок в его черновиках? Ведь это уже не “отделка”, а черная работа. Ведь здравый смысл высказывается сразу, ибо “знает”, что хочет сказать» («Дар», гл. IV). Черновики Пушкина показывают, что он, действительно, не в каждом случае точно знал, в какую сторону пойти. Самопризнание поэта содержится в строфе (Гл. 8, L).

¹⁵ «Сплетать указания из основной части, из окончательного текста, с тем, что осталось только в черновиках, — нельзя. Мало ли что в черновиках было!» (В. П. Старк, по распечатке выступления на радио «Свобода» (05.06.2012)).

¹⁶ Мы хотели бы применить к Пушкину его собственный афоризм: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» («Вольтер»).

2. Анализ фрагмента V/1—4: тактики похваления

Далее строфы V и Va—в у нас рассматриваются в расчленении на тематические блоки. Как правило, в онегинской строфе выделяются три композиционно-тематических и интонационных пространства (4 стиха в начале, 8 в середине и 2 в конце). Конечное двустиишие выделяется, по выражению Набокова, «рельефно». Соответственно, и в строфе V таких блоков три.

Первый фрагмент (V/1—4) имеет устойчивую традицию прочтения. Как считается, он представляет собой безыскусный обмен вопросом-ответными репликами: Онегин спрашивает об имени старшей сестры, Ленской отвечает.

«Други» гостили у Лариных продолжительное время, и об этом Пушкин сообщает в черновике хотя и в общем виде, но по контексту вполне внятно: «В деревне день есть цепь обеда» (Гл. 3, III/9)¹⁷. Если молодые люди провели у соседок за обедом целый день, то странно, почему Онегин (как получается по его вопросу: «Скажи: которая Татьяна?») не отождествил сестер по именам.

Строка (1) в [БАСС] показана как безвариантная, но, по свидетельству черновой рукописи, это не так.

Обычно Пушкин в рукописях не употребляет знаков препинания, но в данном случае в рукописи их три. После «Скажи» поставлено не двоеточие печатной версии, а характерная запятая (в виде большой косой черты, идущей сверху вниз и справа налево); она выполнена густыми черными чернилами. В конце строки (1) у Пушкина имеется знак вопроса, и то, что это вопрос, подтверждено еще знаком тире. Полифункциональный знак тире у поэта в том числе означает смену говорящих.

В печатной версии самозавершенность вопроса передается заключением всей строки (1) в начальные и конечные кавычки. Имплицируется: вот говорение Онегина, и оно завершено.

Дальше три строки (2—4), согласно печатной версии, принадлежат Ленскому, но для отличия от слов Онегина кавычек нет, а границы реплики Ленского показаны знаками тире в конце и в начале: — *Да та, которая грустна / И молчалива, как Светлана, / Вошла и села у окна* —. Эта же практика соблюдается в строфе и дальше: реплики Онегина — в парных кавычках, а реплики Ленского — в парных тире.

Привнесенная издателями расстановка кавычек и тире обеспечивает полную ясность и, скорее всего, не искажает воли поэта. Правда, первой, а не последней.

Если же отказаться от пунктуации издателей [БАСС], то в черновике содержится, наряду с канонической, альтернативная версия, — такая, которая потребовала бы от современного издателя расставить кавычки по-другому.

Эта версия черновика побуждает думать, что Пушкин намеревался продолжить говорение Евгения и не давать реплики Ленскому. В таком случае ключевое уподобление Татьяны Светлане Жуковского принадлежит Евгению (что важно).

Действительно, в конце строки (1) Пушкин перед невычеркнутым знаком вопроса (густые чернила) поставил вторую запятую, по форме ничем не отличную от первой, но выполненную бросающимися в глаза жидкими рыжими чернилами.

Вторая запятая показывает, что на фоне густых чернил основного текста строки лишь однократно (для одного пунктуационного знака) употреблены разбавленные чернила. Это означает, что вторая («рыжая») запятая, в отличие от густо-черной первой, не принадлежит к первоначальной версии: она вторична и относится к слою отсроченного авторедактирования.

¹⁷ В современных изданиях строфа (Гл. 3, III) обрывается на восьмом стихе («Кувшин с брусничною водой»), а остальные шесть написанных строк Пушкин почему-то снял. Тем не менее в массовых дореволюционных изданиях Пушкина (например, в издании И. Д. Сытина) концовка присутствовала: *В деревне день есть цепь обеда. / Поджавши руки, у дверей / Сбежались девушки скорей / Взглянут на нового соседа, / И на дворе толпа людей / Критиковала их коней.*

Стало быть, именно «рыжая» запятая отражает последнюю волю поэта.

Эта вторая запятая отменяет первоначальный знак вопроса и, как любая запятая, показывает незавершенность высказывания. Онегин продолжает говорить, а что он говорит на основе фото черновика и транскрипции представляется отличным от печатной версии.

Альтернативную версию черновика мы собрали по элементам¹⁸:

Скажи, которая Татьяна,
Не та ль которая блѣдна
И молчалива как Свѣтлана
Сидела тихо у окна.

В а р и а н т ы в черновике: «блѣдна / грустна» и «Вошла и села / Сидела тихо».

Таким образом, версия черновика строфы V существенно противоречит печатной версии: здесь все четыре строки (а не одна) — это суждение Онегина (а не Ленского). Если так, то нельзя думать, что Онегин не отождествил Татьяну, потому что дал ей развернутую оценку.

Если же вспомнить цитату из баллады Жуковского, на которую намекает Онегин и которая в XIX в. имела широкое хождение («Тускло светится луна / В сумраке тумана — / Молчалива и грустна / Милая Светлана»), — то перенос характеристик на Татьяну, подтверждая прямые номинации похвальных качеств старшей сестры («молчалива», «грустна»), включает в себя очень важную эмоционально-личностную оценку со стороны героя романа: «милая».

Эмочия выражена косвенно, интертекстуально, однако образованные и начитанные современники Пушкина улавливали ее немедленно, ибо «Светлана» помнилась наизусть.

Значит, Татьяна пришлась Онегину по душе в тот же день, когда «други» навестили Лариных. Если на пространстве всех стихов V/1—4 говорит именно «молодой повеса» (а не Ленской), то, значит, поначалу он был хотя бы тронут.

Эта оценка «милая» вполне совпала с отношением к Татьяне самого автора романа, и он дал ее трижды. Сердечное восклицание поэта «Татьяна, *милая* Татьяна!» (Гл. 3, XV/1) поставлено на сильное место (в начале строфы). Далее, после строфы 7/XXIV Пушкин, говоря об открытии Татьяны в доме Онегина («Уж не пародия ли он?»¹⁹), оставил в черновой рукописи строки:

С ее открытием поздравим
Татьяну *милую* мою...

Наконец, в строфе 5/XXXVII, которая была напечатана в первом издании главы, но затем исключена из текста, Пушкин, обращаясь к Гомеру, написал:

Но Таня (присягну) *милей*
Елены пакостной твоей.

Елена была прекрасна, но не мила, тогда как Татьяна, хотя красотой и «не привлекла б к себе очей» (Гл. 2, XXV), была мила и в глазах поэта этим неуловимым качеством превосходила античную героиню. «Никто и спорить тут не станет»²⁰.

Онегин, безусловно, отождествил Татьяну, поскольку в строках V/1—4 Пушкин снял признаки подлинного вопроса, зато ввел признаки вопроса риторического, причем такого, который не просто имплицитно положительный ответ, но и усиливает его.

Признак вопроса «Не та ль» — это общезыковая идиоматичная фигура речи (мнимая негация), а именно: конструкция *не [э]тот / [э]та / [э]то ли* (с варьированием местоимений в косвенных падежах).

¹⁸ Не привнося кавычек, мы, в отличие от печатных версий, следуем за черновиком. Две запятые, как упоминалось, принадлежат поэту.

¹⁹ Еще один случай мнимой негации.

²⁰ Из строфы 5/XXXVIII, судьба которой не отличалась от строфы 5/XXXVII.

Конструкция представлена в языке Пушкина. Ср. из «Бориса Годунова»: «Шуйский. Царь, из Литвы пришла нам весть... Царь. *Не та ли*, / Что Пушкину привез вечер гонец. Шуйский. Все знает он!» (= та самая). Ср. также в «Заметках и афоризмах разных годов» (<1830>): «В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: “Что такое поэзия? вещь ли это настоящая?” *Не этот ли* вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из Московских журналов 1830 года?» (= этот самый).

Эти же конструкции встречаются в письмах Пушкина (И. Е. Великопольскому, конец марта — начало апреля 1828 г.; П. В. Нащокину, ок. 8 января 1835 г.), а также в письмах к нему (И. И. Лажечникова от 22 ноября 1835 г.; П. И. Мартоса от 13 октября 1836 г.) и т. д.

В. А. Жуковский (в письме к А. Х. Бенкендорфу от 25 февраля 1837 г.) применил оборот к самому Пушкину, уже покойному, в емкой оценке постоянного развития поэта: «Он сам про себя осудил свою молодость и произвольно истребил для самого себя все несчастные следы ее. Что же из сего следует заключить? *Не то ли*, что Пушкин в последние годы свои был совершенно не тот, каким видели его в первые?» (= то самое).

Если подвести итог изложенному и обобщающим словом назвать интенцию поведения Евгения, то он явно придерживался стратегии, на ученой латыни именуемой *laudatio* «похваление». (Стратегии, в явном виде описанные греками и римлянами для публичной речи риторов, *de facto* характерны и для бытового речевого поведения «простых» людей.)

Стратегия похвалы, как любая другая, разделяется на ряд частных (аспектных) рече-поведенческих тактик²¹.

Чтобы ее реализовать, Онегин избирательно отозвался о трех частных сторонах (аспектах) облика Татьяны: во-первых, о ее внешнем виде (она «бледна»), во-вторых, о настроенности («грустна») и, в-третьих, о манере себя держать («молчалива и тиха»). Вершиной явилась четвертая тактика — собственная итоговая эмоциональная оценка: «мила»²².

Эмоциональные оценки обладают качеством обобщения: прилагательное-губка «мила(я)» совокупно описывает и общий вид, и настроенность, и поведение, и многое другое.

Все названные характеристики хорошо согласуются с типическим для XIX в. образом романтической героини книг: интересная «бледность»; «грусть», причина которой составляет загадку; постоянная «задумчивость» (отсюда молчаливость и «тихость в обхождении»); наконец, безусловная привлекательность, которая не тождественна красоте и может не иметь рационального объяснения, — «миловидность».

Остается сказать, что в строках (V/5—6) Онегин (в добавление ко всему сказанному) признал Татьяну еще и поэтической девушкой.

Таким образом, заново прочитанные (по факсимиле рукописи и по транскрипции) черновые строки V/1—4 готовят читателя к пониманию неожиданно и мгновенно вспыхнувшей влюбленности Онегина, которая далее описана в строфе Va (о чем у нас говорится на своем месте).

3. Анализ фрагмента V/5—14: тактики порицания

Во фрагменте V/5—14 Пушкин применил известный риторический прием, противоположный *laudatio*, а именно: порицания (*denuntio* или *investio*).

Бывает порицание само по себе, но нередко случается, что похваля одного из двух лиц, этим по противоположности порицают другого.

Действительно, в строках V/1—4 по контрасту с Татьяной Ольга румяна, всегда весела, болтлива, громогласна, непоэтична.

²¹ Наша орфограмма с дефисом имплицитно, что в основе словосложения лежит сопологающая номинация («речь и поведение»), а не подчиняющая («речевое поведение»).

²² Сейчас мы изложили (наискратчайшим образом, *in puse*) концепцию рече-поведенческих тактик (подробнее см. в книге [Верещагин, Костомаров 2005: 517—824]).

По отношению к двум лицам риторический прием *denuntio* может быть обернут: когда порицают одного, этим похваляют другого. Иначе говоря, *denuntio* одного человека оборачивается *laudatio* другого.

Этот риторический прием и применен в строках (V/5—14): перечисляя негативные черты Ольги, Евгений по сути поет дифирамб Татьяне. Онегин считает сестер антиподами.

Совсем не удивительно, что Евгений, получив от Ленского подтверждение, что тот из сестер любит «меньшую» (V/5), для себя (как бы примеряясь) сделал противоположный выбор: «Я выбрал бы другую» (V/6). Скептик и байронист Евгений, издавна снисходительно смотревший на женщин, для старшей сестры сделал исключение и, признав достойной, «поднял» ее до себя.

Выбор Ленского Онегин по контрасту осудил, и с желчными оценками, которые воспитанному человеку, пожалуй, не стоило бы применять к дворянской девушке, даже за глаза.

По сравнению с печатной версией строки V/5—14, как и строки V/1—4, также иначе прочитываются в свете новых транскрипций.

Как Татьяна тронула Онегина уже тогда, когда он еще сидел в доме Лариных, так и Ольга успела опротивить ему в тот же самый день. Как видим, противоположные чувства возникли у него немедленно. Интенсивность их также примерно одинакова.

На фоне печатной версии мы собрали варианты, относящиеся к характеристике Ольги, опираясь на транскрипции черновиков и коллажи вариантов [БАСС], а также на печатную версию.

- (5) «Неужто ты влюблен в меньшую?»
В а р и а н т ы: В болтушку / В вертушку.
- (6) — А что? — «Я выбрал бы другую,
- (7) Когда б я был, как ты, поэт.
- (8) В чертах у Ольги жизни нет.
В а р и а н т ы: румяной / бледной / белой /
светлой / модной;
В чертах / В ее лице / В лице твоей;
ни чувств ни жизни / движенья.
- (9) Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне:

В а р и а н т ы для строк (9—12) см. непосредственно ниже.

- (10) Кругла, красна лицом она,
- (11) Как эта глупая луна
- (12) На этом глупом небосклоне».
- (13) Владимир сухо отвечал
- (14) И после во весь путь молчал.

Вместо строк (5—7) в черновике имеется вариант:

- (5) Она — И ты влюблен в другую
- (6) В богиню эту молодую
- (7) С ее бесчувственной красой.
В а р и а н т: беспечной крас<от>ой.

Вместо строк (8—14) в черновике и в белой рукописи содержатся два варианта:

- I. (8) В чертах у Ольги мысли нет,
- (9) <Румянец да> невинный <взор>
- (10) Как в Р<афаелевой> М<адоне>.
В а р и а н т ы: Подобно девам Рафаеля /
Как у Марии / у Мадоны Рафаеля.
- (11) Мне надоели <с давних пор>. —
В а р и а н т ы: Она румяна и бела.
- (12) — Всяк молится своей иконе, —
- (13) Влад<имир> сухо отвечал,
- (14) И наш Онегин зам<олчал>.

- II. (8) В чертах у Ольги мысли нет,
- (9) Как у Рафаэля в Мадонне.
- (10) Поверь — невинность это вздор,
- (11) А приторной Памелы взор
- (12) Мне надоел и в Ричардсоне.
- (13) Владимир сухо отвечал
- (14) И после во весь путь молчал.

Для строк (V/6—7) характерно, что подытоживающая оценка Ольги дана не в конце, а в самом начале «Ольгинского» тематического блока. «Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт». Младшая сестра, по суждению Евгения, недостойна любви, тогда как старшая, поскольку им выбирается, — достойна. Ольга лишена стержневой линии духовности Ленского — поэтичности, тогда как поэтичность Татьяны Онегин, видимо, успел рассмотреть.

Кроме того, Евгений, вопреки мнению соседей Лариных, отказывается признать Ольгу внешне красивой. У нее есть отрицательная черта, способная испортить впечатление от любой красавицы. В лице у Ольги (8) «жизни нет» (варианты: «ни чувств ни жизни», «движенья нет»). В вариантах черновика краса Ольги названа (7) «бесчувственной».

Так со строки (V/5) и вплоть до строки (V/12) Онегин в своей инвективе начинает осуществлять, реализуя ее в конкретных тактиках, общую стратегию порицания Ольги.

Она, по вариантам, имеет «взор» (не взгляд, а внешний вид) «невинный» (10) (как у Памелы Ричардсона). Поскольку имеется в виду только «взор», а не что-либо другое, «невинность» Ольги равнозначна неподобающей для ее возраста наивности. Среди вариантов строка (10) подтверждает такое толкование: «Поверь — невинность это вздор».

Далее Евгений использует тактику перечисления тех характеристик Ольгиного лица и нрава, которые его отталкивают: Ольга «румяна и бела», «кругла, красна лицом», «приторна», «глупа» (уподоблена «глупой луне»), «беспечна», «наивна».

Строка (9) всех трех вариантов объективно сложна для интерпретации. «В Вандиковой Мадоне» — «жизни» нет (так в печатной, т. е. окончательной, версии). Между тем в предшествующих черновиках и в беловой рукописи упоминается не Ван-Дейк, а сам «Рафаэль» и также в негативном контексте.

В транскрипции Н. В. Перцова сравнение Ольги с Мадонной идет по критерию статичности («Въ чертахъ у Ольги жи<зни нѣтъ>»). Между тем «мадонны» Рафаэля совсем не статичны, а Ван-Дейк отнюдь не славен своими «мадоннами».

Относительно имени Рафаэля в данном контексте возникает апория. Пушкин в своем творчестве неоднократно упоминает Рафаэля, и всякий раз — в восторженных тонах. Как же в таком случае понимать помещение Рафаэля в контекст, который хочется назвать мерзким?

Объяснение: перед нами позиция не поэта, а героя романа. Ссылаясь на Мадонну как на «гиль» (пушкинское словцо), Онегин обнажает себя. У него, байрониста-«афея», о благоговении перед святым нет представления.

У Пушкина же в «Моцарте и Сальери» с негодованием говорится о «негодном маляре», который «пачкает Мадону Рафаэля». Онегин, испачкав Мадонну, еще раз обнаружил радикальные качества следующего за модными поветриями прогрессиста.

Что касается замены Рафаэля на Ван-Дейка, то в ходе переписки остроумное объяснение предложил Н. В. Перцов: «Понятно, почему наш поэт отказался от упоминания Рафаэля в том контексте: Рафаэль для него находится на высшей ступени художественности, и даже байронисту-“нигилисту” Онегину Пушкин не хочет впадать в уста уничижительные слова о нем».

Внутренний мир человека недоступен нам, но догадываться допустимо: Пушкин, вероятно, действительно содрогнулся от безобразного кощунства Онегина и в конце концов смягчил его.

По очередности смены лексических вариантов догадка вполне уместна: по наблюдениям того же Н. В. Перцова, упоминания о Ван-Дейке нет ни в черновике, ни в беловике-автографе, и этот художник появляется впервые только в 1827 г. — в отдельном издании третьей главы.

Высказывалось мнение (например, Набоковым в комментарии к строкам V/10—11), согласно которому эпитет *красный* («красна лицом») в приложении к Ольге означает «красивый»²³. Между тем два аргумента противоречат такому заключению.

Во-первых, в транскрипции есть контекст, заставляющий думать, что поэт имел в виду именно цвет лица Ольги. Ср.: «Она румяна и бѣла» (= кровь с молоком; значит: физически крепка и здорова).

Хотя у Пушкина «красен», «красный» широко употребляется в значении «красивый», но, когда прилагательное относится к лицу человека, оно, судя по исчерпывающим контекстам, означает только цвет. Ср.: «Исправник, высокой и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах...» («Дубровский»). Описывая петербургскую неожиданную встречу Татьяны и Онегина, поэт замечает (Гл. 8, XIX), что героиня не «стала вдруг бледна, красна» (= лицом не побледнела и не покраснела). Однажды Пушкин назвал здоровье «краснощеким» («Бог веселый винограда...»).

Поскольку прилагательное «красный» имеет два значения и они оба априорно могли бы быть отнесены к облику человека, на самом деле никогда — и в эпоху Пушкина, и ныне — не говорится о «красном» лице / носе и о «красных» глазах / щеках, если они красивы. В таких случаях употребляют прилагательное «прекрасный».

Во-вторых, если мы согласны, что Онегин в строках (5—12) держится стратегии порицания Ольги, то в число примененных им рече-поведенческих тактик не может проникнуть такая, которая относится к противоположной стратегии похваления. Единая стратегия реализуется в разносторонних тактиках, но все они остаются (подравниваются по смыслу) в сходных тематико-интенционных пределах.

Несходства тактик, реализующих одну стратегию, в обычной речи не бывает, но оно может встретиться в казовой (эпидейктической) речи как оксюморон (ради иронии).

Строчки черновика (6) «В богиню эту молодую / Съ ея безчувственной красой» как раз и содержат подобный оксюморон. Местоимение «эту» (в сочетании с «бесчувственностью») выдает иронию, так что слово *богиня* следовало бы при печати заключать в кавычки. В подтексте читается: какая из нее богиня! Кроме того, в черновом варианте «Подобно дѣвамъ <Р>убе<на>» (по транскрипции) Ольга уподоблена женщинам — скажем так — корпулентным и (поскольку они пируют) вполне земным.

Вернемся к прилагательному «красный». Поскольку «красна» стоит рядом с «кругла», полезно посмотреть на общее отношение Пушкина к округлости лица женщины.

Свое отношение он отчетливо выразил в письме Анне Вульф от 21 июля 1825 г.: «...не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо». Оригинал написан по-французски, и там сказано *malheur* («беда, горе», даже «ужас»), что сильнее «несчастья».

Таким образом, Онегин в строфе V нарисовал сугубо отталкивающий образ Ольги.

Как не растеряться? В главе второй Пушкин вылепил образ младшей сестры как девушки прелестной и милой: «Невинной прелести полна» (XXI); «Как поцелуй любви мила, / Глаза как небо голубые, / Улыбка, локоны льняные, / Движенья, голос, легкий стан» (XXIII).

Татьяна первоначально обрисована, напротив, сдержанно; в той же главе о Татьяне говорится: «Ни красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной, / Не привлекла б она очей» (Гл. 2, XXV); «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать» (Гл. 7, XV).

Вероятно, привлекательность Татьяны производна от качества, в котором устами Онегина поэт откажет Ольге, — присутствию в лице «жизни», «мысли» и «движенья».

Удивляться перемене не приходится.

²³ Ср.: «Я понимаю выражение “она красна лицом” как “у нее красивое лицо”, а не как утверждение, что “у нее красное лицо”» [Набоков 1998: 291].

Во-первых, поскольку роман писался долго, в нем, по словам поэта, оказалось «противоречий очень много»²⁴. Их устранять *post factum* Пушкин не желал (Гл. 1, LX). Даже если поэт в одном месте (от себя) обрисовал Ольгу красавицей, это не помешало бы ему придать ей (словами Онегина) иной образ в другом месте.

Во-вторых, если согласиться с известным тезисом, что Пушкин, по первоначальному замыслу, именно Ольгу назначал в главные героини, то ко времени написания строфы V главная героиня переменилась и стала Татьяной²⁵.

Соответственно, совершилось перераспределение красоты между сестрами. По справедливому замечанию П. Л. Вайля, в итоге дальнейшего чтения «у читателя [не остается] сомнения в том, что Татьяна — томная красавица, а Ольга — здоровая румяная дура» (см. [Вайль 1991]).

Настало время сделать важный шаг в анализе. Придя к одному, похваляют другого. Онегин сравнивает сестер и приписывает им полярные качества.

По характеристике Ольги мы, углубляясь в текст, судим не только о ней, но и о Татьяне. Все негативные эпитеты, если их по праву переплюсовать, превращаются в положительные. Итак, отталкиваясь от черт Ольги, как их воспринял Евгений, можно судить о восприятии им внешнего облика и манеры поведения именно Татьяны.

Если Ольга «румяна» и «красна лицом», то Татьяна НЕ румяна и НЕ красна лицом (= бледна). Ольга «глупа» (на фоне уподобления: «как луна»); Татьяна, напротив, НЕ глупа (= умна). Ольга «приторна» (как героиня Ричардсона); Татьяна же НЕ приторна (= не лицемерна, значит: искренна). Ольга взором «невинна», т. е. наивна (как ребенок); Татьяна же НЕ наивна (= глубока, серьезна, проницательна).

Короче говоря, если Ольга — «типичная представительница» заурядных уездных барышень, то Татьяна, не будучи таковой, как редкое исключение истинно благородна (в совокупном смысле слова: красива, образована, воспитана, нравственна и умна).

Подобную тактику описания Татьяны через перечисление того, что ей НЕ свойственно, Пушкин применил и в других частях своего романа²⁶.

Но куклы, даже в эти годы,
Татьяна в руки НЕ брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею НЕ вела. <...>
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкий луг,
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки НЕ играла (Гл. 2, XXVII).

И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья
Хранит безмолвно между тем
И им НЕ делится ни с кем (Гл. 7, XLVII).

²⁴ «Принципу противоречий» (и «несогласованности») Ю. М. Лотман посвятил исследование, в котором конкретно указаны многие неувязки в «Евгении Онегине»; см. [Лотман 1988: 32—49].

²⁵ Собственно, мена героини состоялась уже в главе второй. После XXII строфы в белой рукописи было еще две строфы, и среди них вторая дважды содержала имя Ольги, которое Пушкин заменил на Татьяну. Так атрибут «милая» перешел от младшей сестры к старшей.

²⁶ Концепция *сингулярных* (или девиативных) рече-поведенческих тактик была введена в работах [Верещагин, Костомаров 2000в; 2005: 517—817]. По отношению к художественной литературе эти тактики писателя заключаются в том, что образ персонажа контрастно рисуется на фоне общепринятой нормы, причем последовательно перечисляется то, что герою НЕ присуще и чего он НЕ думал, НЕ говорил и НЕ делал. Индивидуализация персонажа достигается за счет противопоставления его «всем другим», «ординарным» людям определенного слоя. Методика исчисления сингулярностей была применена и к произведениям А. С. Пушкина; см. [Верещагин, Костомаров 2000а; 2000б].

Она была НЕ тороплива,
НЕ холодна, НЕ говорлива,
БЕЗ взора наглого для всех,
БЕЗ притязаний на успех,
БЕЗ этих маленьких ужимок,
БЕЗ подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней (Гл. 7, LIV).

(Онегина подводят к вышедшей замуж Татьяне):
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто НЕ изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.
Ей-ей! НЕ то, чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь НЕ шевельнулась;
НЕ сжала даже губ она (Гл. 8, XVIII—XIX).

Она его НЕ замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе НЕ заметит (Гл. 8, XXXI).

Если перевести эти строки из негативного в позитивный вид, то девочкой Татьяна уклонялась от детских забав и деревенских пересудов. Московские подруги требовали, чтобы Татьяна впустила их в свой душевный мир, но она хранила «тайну сердца своего». Став дамой, Татьяна удерживалась от (великосветской) суеты, от высокомерия («не холодна»), болтливости, от вызывающих («наглых») взглядов (предназначенных для мужчин). Она избегала стремления к успеху в свете, кривляний («маленьких ужимок»), подражательности.

И далее Пушкин подводит итог: не только поклон Татьяны был «тих», но и «ВСЁ тихо, просто было в ней». Примечательно, что здесь есть точная словесная перекличка с (Гл. 3, V) («Сидела тихо у окна»).

Далее поэт говорит о самообладании Татьяны при встрече с Онегиным, опять-таки перечисляя элементы поведения, свойственные любой «обыкновенной» светской женщине, от которых «милый идеал» Татьяна тем не менее показательно воздержалась: она НЕ вздрогнула, НЕ побледнела, НЕ покраснела, «НЕ повела бровью», НЕ закусила губу. В отличие от светских развратниц, Татьяна НЕ обращает внимания на обожателя, вовсе «НЕ замечает его» («как ни бейся, хоть умри»)

Татьяна уникальна, и ее рече-поведенческие тактики — с и н г у л я р н ы («уникальны», от *singularis / singularius* «единственный в своем роде»). Ее поведение противоположно поведенческим нормам дворянской толпы, как уездной, так и столичной.

Эти же сингулярные тактики были применены поэтом при описании впечатления, которое Евгений получил в свой первый приезд к Лариным. Ольга — «нормальная», дюжинная уездная девушка, а Татьяна — индивидуальна, неповторима. Сингулярные черты облика и поведения «НЕ уездной» девушки Татьяны заставили Онегина осознать ее единственность. В дальнейшем он увидит, что Татьяна НЕ стала и светской дамой²⁷.

Так не только в похваляющих тактиках строфы V/1—4, но и в противоположных порицающих тактиках V/5—12 подробно описано первое впечатление Онегина от Татьяны.

²⁷ Конечно, Татьяна характеризуется в романе не только посредством сингулярных тактик (см. особенно (Гл. 2, XXVIII—XXIX)).

За исключением строк (13—14), вся строфа V (вкупе с черновиками) готовит читателя согласиться с тем, что Евгения по праву настигла страсть.

Ее обстоятельное и недвусмысленное описание содержится в черновой строфе Va (о чем далее).

Завершая анализ строфы V, остается сделать замечание о строках (13—14). Отрицательная оценка человека, который дорог собеседнику, воспринимается как желание спровоцировать конфликт. Слова Евгения пока не привели к дуэли, потому что, к счастью, были сказаны приватно.

Кроме того, по черновому варианту, Онегин заметил неудовольствие, спохватился, перестал, пока не поздно, дразнить друга и сам «замолчал» (= прикусил язык). Ср.: «Владимир сухо отвечал, / И наш Онегин замолчал».

4. Анализ фрагмента Va/1—4: двоение мыслей

Выпущенная Пушкиным строфа Va не может быть квалифицирована как «набросок», т. е. бегло написанный и «брошенный» текст (к которому поэт не возвращался). Напротив, строфа тщательно обработана и в рукописи по интенсивности правки не отличается от черновиков сопряженных строк V и VI (или любой другой онегинской строфы).

Пушкин выпустил эту строфу не из-за того, что она по качеству не годится для печатной версии. Почему же?

Строфа Va может быть прочитана прагматично, и в таком случае она легко понятна. Между тем за «простыми словами» кроется обширнейший затекст²⁸, для понимания которого необходимы фоновые знания Пушкинской эпохи.

Выполним операцию, которая ранее была совершена над предшествующей строфой V. Строфа Va не печаталась, но издатели [БАСС] по черновику установили, пусть небесспорно, основной текст, а к нему присовокупили варианты из того же черновика. Сейчас к числу источников прибавилась транскрипция.

- (1) В постеле лежа — наш Евгений
- (2) Глазами Байрона читал
- (3) Но дань вечерних размышлений
В а р и а н т: И; серд<ечных>/невольных
- (4) В уме Татьяне посвящал —
В а р и а н т: Татьяне милой²⁹
- (5) Проснулся <он> денницы ране
В а р и а н т: Самой/Лучей зари; поздно он
- (6) И мысль была все о Татьяне
В а р и а н т: И думаль/что-же ду<мал>
- (7) Вот новое подумал он —
В а р и а н т: Фу пропасть
- (8) Не уж-то я в нее влюблен
В а р и а н т: Иль
- (9) Ей богу это было б славно
В а р и а н т: Потом; Я рад — оно-б мне
- (10) <Себя> <уж> то-то б одолжил
В а р и а н т: удивил
- (11) Посмотрим — и тотчас решил
В а р и а н т: сейчас.

²⁸ По традиции мы различаем два понятия — к о н т е к с т (непосредственное, или ближнее, окружение слова и фрагмента текста, помогающее прямому пониманию (например, многозначного слова)) и з а т е к с т (фоновые знания современников, или пресуппозиции, которые в произведении выражаются аллюзивно и даже вообще не выражаются, но на которые писатель рассчитывает). Разъяснение контекста называется экспликацией, а разъяснение затекста — интерпретацией.

²⁹ Еще раз эпитет «милая»!

- (12) Сосед<ок> навещать исправно
 (13) Как можно чаще — всякой день
 В а р и а н т ы: Два; сперва.
 (14) Ведь им досуг а нам не лень
 В а р и а н т ы: Ему/ Вдове.

В начальных стихах (1—4) описывается психический феномен навязчивого состояния. Стоит произойти какому-либо важному событию, сущностно («экзистенциально») затрагивающему жизнь человека, — радостному или нерадостному, — как «автоматически» (не по воле человека) начинается продолжительное обдумывание происшествия с многократным обращением к одним и тем же мыслям и представлениям (реверберация).

Навязчивое переживание нерадостного события дискомфортно. Чтобы освободиться от него, несчастный волевым усилием старается «выбросить из головы» неприятные мысли. Когда стресс велик, избавиться от них не удастся. Более того, они, затягиваясь, сказываются на физическом благополучии страдающего человека. Так, выключение нормального механизма торможения головного мозга приводит к болезненной бессоннице. Один из привычных способов прогнать тягостные мысли — отвлечься, занять себя какой-либо деятельностью, требующей концентрации внимания на другом. Отвлечение, однако, не всегда помогает.

Строка (3) «Но дань...» имеет вариант начала с другим союзом «И дань...». Пушкин зачеркнул сочтательный союз «И» и заменил его на противительный «Но»³⁰. Сначала выходило, что спокойно соположены два действия: Онегин читал Байрона И размышлял о Татьяне. Однако, союз «но» заставляет думать, что первое действие было отменено вторым: самому герою только к а з а л о с ь, что он читает, НО на деле он размышлял о другом (= читать не мог).

По возвращении домой Онегин, как всегда делал, приступил было к чтению, чтобы поскорее заснуть, но им овладели (по варианту черновика) «невольные размышления» (3). Глазами Евгений читал книгу, но вместо понимания читаемого неотступно думал о Татьяне. Употребленная здесь лексема «дань» (3) имеет фоновый смысл «принудительности» («дань платят/отдают» не по своей воле).

В строке (3) есть вариант: «невольные размышления» названы также «сердечными». Таким образом, антагонисты названы: «глаза» (2) (умственная установка) схватились с «сердцем» (3) (душой человека).

Строфа Va, исключенная из романа, не была Пушкиным забракована навсегда. Он ввел ее в ткань поэмы «Граф Нулин», писавшейся одновременно с сочинением главы третьей «Онегина»; стало быть, строфа засела в его голове. Конечно, для «Нулина» потребовались модификации, но неслучайная перекличка между романом и поэмой распространилась как на общее содержание, так и на дословные повторы:

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
 Глазами пробегает он.
 Но граф душевно развлечен...
 Неугомонная забота
 Его тревожит; мыслит он:
 «Неужто вправду я влюблен?
 Что, если можно?.. вот забавно!»

Под конец романа Онегин снова столкнется с феноменом навязчивых мыслей, причем с повторением точь-в-точь. Вернувшись к себе после встречи с замужней Татьяной, Евгений обратился было к привычному чтению в постели:

³⁰ Н. В. Перцов (в письме) сообщил автору статьи следующее: «Замечу, что Пушкин заменил “и” на “но” уже по написании полностью всей строки, ибо в противном случае он бы не стал писать противительный союз поверх соединительного, а зачеркнул бы первый и написал рядом второй».

И что ж? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желания, печали
 Теснились в душу глубоко.
 Он меж печатными строками
 Читал духовными глазами
 Другие строки. В них-то он
 Был совершенно углублен. (Гл. 8, XXXVI)

Ср. также:

Сомненья нет: увы! Евгений
 В Татьяну как дитя влюблен;
 В тоске любовных помышлений
 И день и ночь проводит он. (Гл. 8, XXX)

Остается сказать, что феномен навязчивого вытеснения одной деятельности другою был знаком самому Пушкину: «Читать хочу; глаза над буквами скользят, / А мысли далеко...» («Зима. Что делать нам в деревне?») ³¹.

Описав в строфе Va двоение мыслей Онегина, Пушкин определенно сообщает, что Татьяна, какой Евгений ее увидел в доме Лариных, произвела на него чарующее впечатление. При этом Татьяна и Евгений даже не говорили друг с другом.

Такова экспозиция в строфе Va: неожиданно-негаданно Онегин утратил покой. Так трафаретно мог бы поступить любой писатель-романтик: завязка произведения совпадает с первой встречей героев. Пушкин же рассудил иначе.

5. Анализ фрагмента Va/5—10: боре́ние с собой

Онегин, влюбившись, как любой другой человек, должен бы обрадоваться, а он вступил в борьбу с собой, и это противостояние, развиваясь по восходящей, достигнет своей кульминации в принятом им радикальном решении (Va/11—13).

В целом для Евгения характерен «сон глубокой» (Гл. 2, XXXVIII, XXXIX). Даже накануне дуэли он спал «мертвым сном»: «Онегин спит себе глубоко» (Гл. 6, XXIV). В черновике строфы Va есть вариант, согласно которому Онегин и по возвращении от Лариных спал как обычно («Проснулся поздно он»).

Тем не менее поэт передумал и дал три альтернативных версии строки (5) — «Проснулся <он> денницы ране»; «Самой зари (ране)» и «Лучей зари (ране)». Косвенно сказано, что навязчивые мысли лишили Онегина настоящего сна и позволили ему лишь забыться.

Та же ситуация повторилась и в главе восьмой (XXI), когда Онегин, испытывая аналогичные чувства, долго не мог заснуть:

Он оставляет раут тесный,
 Домой задумчив едет он;
 Мечтой то грустной, то прелестной
 Его встревожен поздний сон.

О чем, однако, Онегин мыслил, вернувшись от Лариных?

Строка (6) содержит недописанный до полного стиха (и вычеркнутый) вариант «что же думалъ» (и далее несомненно: «онъ»). По сравнению с основной версией строки «И мысль была все о Татьяне» здесь есть смысловой нюанс: говорится о намерении поэта проникнуть в душу своего героя и передать происходившее в ней.

Душевные процессы вербализуемы, поэтому Пушкин передавал их словами Евгения (значит, сохранив не только смысл, но и форму внутреннего проговаривания).

³¹ Первая строка кратко исследована; см. [Фомичев 2004].

В строке (6) «И мысль была всё о Татьяне» «всё» — это не усилительная частица, а настоящая наречие («всё это время, постоянно, без перерыва»). Поскольку Пушкин указал, когда начались размышления Евгения — «вечером» (3), и отметил, когда они всё еще продолжались — «на заре» (5), имплицитно, что они продолжались всю ночь.

Здесь нет противоречия ремарке «проснулся он» (5): пробуждение в данном случае показывает переход к дневной активности. Ср. подтверждающие контексты: «Вот наконец проснулся он / И полы завеса раздвинул» (Гл. 6, XXIV); «Проснулся он; ему приносят / Письмо» (Гл. 8, XXI); «Проснулся Карл. “Ого! пора! / Вставай, Мазепа”» («Полтава»).

Два варианта строки (7) (первоначальный «Фу, пропасть» и вторичный «Вот новое») — важны для прочтения. В первом случае Евгений негодует на себя. Второй вариант говорит о том, что Евгений расценивает свои переживания как «новые» для него, — совсем не похожие на те, которые были им испытаны в светских похождениях.

Из строки (8) («Неужто я в нее влюблен») видно, что «молодой повеса» даже не знает, как обозначить свои новые переживания. Слово «неужто» (подобно «разве») означает удивление, недоверие и отторжение. «Неужто» амбивалентно: и «не может быть!», и «конечно, да!». Амбивалентность уместна, вероятно, поэтому Пушкин отверг нейтральный вопросительный союз «иль» и вымарал его.

Владевшие Онегиным думы Пушкин воспроизводит в виде внутреннего диалога. В душе Онегина скептик говорит одно, а превосмогающая страсть — другое.

«Модный повеса» привык считать себя выше обычных человеческих чувств. Об этом Пушкин сообщает уже в первой (эпифорической!) строфе романа: Онегин не благоговел даже перед таинством смерти («Когда же чорт возьмет тебя!»). Евгений следовал за модой, а распространившееся в 1820—1830-е гг. в России поветрие байронизма предписывало, в частности, насмешки над чувством любви. Оно предписывало чураться брака. Говоря от имени современной ему просвещенной молодежи, Пушкин пишет: «Меж тем как мы, враги Гимена, / В домашней жизни зрим один / Ряд утомительных картин» (Гл. 4, L).

Если возобладали бы скептик, герой и героиня романа разминутись бы. Так и случилось по сюжету, который реализован в печатной версии. Свое неверие в любовь, владевшее им в пору пребывания в деревне, Евгений вспомнил в своем письме Татьяне:

Случайно вас когда-то встрета,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
...
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Варианты строки (9) также показательны.

Один из них («Я рад: оно б мне» с вероятным продолжением: «было славно») говорит о серьезном отношении Евгения к тому, что случилось с ним. Здесь наречие «славно» синонимично наречию «хорошо». Ср. параллельную строфу из «Графа Нулина», герой которой также влюбился, но не иронизирует:

«Что, если можно?... вот забавно!
Однако ж это было б славно».

Другой вариант в строфе Va («Ей-богу, это было б славно»), напротив, может выражать насмешку. «Ей-богу» в черновике написано со строчной буквы, и в устах «афея» Онегина (в романе нигде не сказано, что он верил в Бога) вся строка окрашена смешком. В письмах Пушкина «ей богу» чередуется с «ей-ей» и употребляется для иронии.

Поскольку строки (7—8) и (10) реализуют ироничные рече-поведенческие тактики, так что серьезная строка (9) выпадала бы из ряда, последней волей поэта, вероятно, является: «Ей-богу, это было б славно».

Строка (10) имеет два варианта: один скорее прагматичный, второй — фразеологический. Вариант «Себя уж то-то б удивил» содержит легкий обертон иронии, тогда как вариант «Себя уж то-то б одолжил» явно ироничен. При пословном прочтении оборот с «одолжил» может значить «сделал себе услугу», но смысл фразеологизма «уж то-то б одолжил» идет поверх слов. Его можно перевыразить как «вот те на!».

В романе фразеологизм приложен к Евгению еще раз. Поведение замужней Татьяны поставило его в тупик:

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил! (Гл. 8, XXXVIII)

Итак, в строках (8—10) описано иронизирование Онегина над самим собой. Причина кроется в принадлежности Евгения к кругу тех молодых дворян, которые считали себя «просвещенными» и во многом подражали своему идолу — Байрону. Само слово «просвещение» ныне сузило свое значение, а в Пушкинскую эпоху было синонимом позднейшего концепта «прогресс».

Культурно-исторический феномен байронизма заслуживает отдельного обсуждения, особенно в аспекте любви к женщине.

6. Любовь побеждает байронизм

По главам романа — первой и второй — рассыпаны характеристики главного персонажа, присущие ему до отъезда из деревни. Евгений — «второй Чадаев» (Гл. 1, XXV); чувства в нем «костыли рано» (Гл. 1, XXXVII), да и ум стал «охлажденным» (Гл. 1, XLVI). «Молодой повеса» (Гл. 1, II) был подвержен «сплину», «хандре» (Гл. 1, XXXVIII); он держал себя, «как Child-Harold, угрюмый, томный» (Гл. 1, XLV). Онегин обладал «резким умом», соответственно, был «язвителен» в споре, шутил «с желчью пополам», писал «злые, мрачные эпиграммы» (Гл. 1, LVI). Окружающим он представлялся «чужаком», к тому же «опасным» (Гл. 2, XIV). Окружающих Евгений «почитал нулями» и «вообще презирал людей», но себя производил — в «единицы» и «глядел в Наполеоны» (Гл. 1, XIV).

Не случайно Татьяна нашла в кабинете Онегина «столбик с куклою чугунной», т. е. статуетку Наполеона. Она нашла там изображение и другого идола — «лорда Байрона портрет» (Гл. 7, XIX). В строфе Va мы видим, что Евгений на сон грядущий читал не подлинное Евангелие, а «Евангелие» «передовых людей»³² — «глазами Байрона читал». Вообще в библиотеке Онегина не нашлось книг «незападного» происхождения. Славянофилы небезосновательно упрекали «просвещенное российское общество» в отрыве от «народно-национальной почвы».

Впрочем, Пушкин намного раньше отождествил суть Онегина: тот был «как Байрон, гордости поэт» (Гл. 2, IV). Татьяна, познакомившись с библиотекой Евгения, по кругу его чтения пришла к аналогичному заключению: «Уж не пародия ли он?» (Гл. 7, XXIV). Поскольку в той же строфе упомянут «Гарольдов плащ», Татьяна ясно, пародией какого лица является Онегин.

Наполеонова гордыня и Байроново самопревозношение — это (взамен «отсталого» русского православия) «афеистическая» религия молодых «просвещенных» дворян пушкинского времени.

³² Прилагательное «передовой» часто встречается у Пушкина в прямом значении («передний»), но, кажется, представлено и в переносном (см. «Мои замечания об русском театре»).

Пушкин обличил своего молодого современника в главе седьмой (XXII): у того «безнравственная душа», он «себялюбив», он «сух», ум его «озлоблен», он «кипит в действии пустом» (Гл. 7, XXII).

О распространенности в России 1820—1830 гг. байронизма имеется множество свидетельств. К теме байронизма в творчестве Пушкина исследователи обращались неоднократно, и она, безусловно, уже достаточно рассмотрена со всех сторон³³. Сейчас же обратим внимание только на то, как байронизм преломился в образе Евгения.

Характерное свидетельство оставил А. А. Бестужев (в письме Пушкину от 9 марта 1825 г.), причем как раз в увязке с Онегиным: «Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов». О том, что Онегин воспринимался как типичный представитель молодого поколения, написал и П. А. Плетнев в письме Пушкину от 22 января 1825 г.: «Онегин твой будет карманным зеркалом петербургской молодежи». В лексиконе Пушкина бытовал даже соответствующий глагол — «байроничать» (подражать Байрону)³⁴.

По отношению к женщине байронисты не просто сомневались в возможности чистой и беззаветной любви к ней, а прямо ее отрицали.

В романе олицетворением восторженной и старомодной любви стал Ленский: «Ах, он любил, как в наши лета / Уже не любят» (Гл. 2, XX).

Онегин же, как известно, «слушал Ленского с улыбкой» (Гл. 2, XX). Правда, поначалу он из деликатности удерживал «охладительное слово» (Гл. 2, XV).

Тем не менее свое отношение к любви и браку он, видимо, Ленскому высказывал. Иначе будет непонятна реакция Ленского, отложившаяся в черновиках Гл. 3, II. В указанной строфе Ленской, желая объяснить, почему он зачастил к Лариным, не назвал подлинной причины и привел другое (явно ложное) объяснение: «Я модный свет ваш ненавижу; / Милее мне домашний круг». Онегина не впечатлишь высокопарными словами; он выливает ушат воды: «Опять эклога!».

В печатной версии далее говорится: «Да полно, милый, ради бога»; в черновике же употреблен более энергичный глагол: «Уймись мой милый ради бога» (= постыдись ви-тиствовать и лгать).

И затем в строфе II следуют две строки (6—7), не вошедшие в печатную версию. Онегин сам назвал истинную причину отъезда Ленского: «Нельзя <ли> проще объяснить / Что ты влюблен — хоть очень жаль». К чему относится ламентация «очень жаль»? В печатной версии — к отъезду Ленского, к опережающей лексеме «едешь»: «Ну что ж? ты едешь: очень жаль» (= Жаль, что ты уезжаешь). Однако, в черновике сожаление относится к слову «влюблен» (= Ты влюблен? Очень жаль).

Евгений, подтверждая свою характеристику, данную Пушкиным, язвительно высмеивает сердечную привязанность друга. В печатной версии об Ольге сказано: «Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм et cetera?» В черновом же варианте саркастически нагнетаются другие именованья: «предмет мечтаний», «слов» (два раза), «стихов твоих», «томных снов» и «пламен<н>ых стихов». Онегин, еще не видев Ольги, развенчивает ее, иронически называя именами классических обольстительниц — то «Филлидой», то (в черновике) «Армидой».

Ленский же, судя по черновику, в угоду моде принужден лицемерить и даже отрекаться: «...влюблен, — ну право нет, и полно» (= Как ты мог подумать?). Геттингентский студент, желая быть современным, подлаживается к Онегину и, подобно апостолу Петру, не отдает себе отчета в том, что предает свое чувство. Может быть, Онегин замечает неправдивость

³³ Замечательная подборка материалов содержится в большой и неустаревшей статье [Дашкевич 1907: 425—450]. Академик старого завета обстоятельно и фундаментально изучил круг «прогрессистского» (исключительно западного) чтения Онегина. См. также монографию [Жирмунский 1978].

³⁴ Возможно, окказионализм. Его поэт употребил в письме П. А. Плетневу от 4—6 декабря 1825 г.

этого «ну право нет», потому что, по контексту, именно ему принадлежит уличающая реплика черновика: «Зачем же нет <?>» (= Неправда, что нет).

Как видим, на примере обращения Онегина с Ленским природа байрониста (в принципе не признающего возможность искренней любви) представлена весьма выпукло. Поэтому Онегину, увлеченному Татьяной, отказаться от себя в одночасье было невозможно. Привычную иронию он направил против самого себя. Чтобы позволить себе «сердечно» полюбить девушку, Онегину надо было разорвать пути массовой моды, и этот-то процесс в его протяженности мы видим именно в черновой строфе Va.

Завершение процесса эксплицитно сформулировано в набросках Vб и Vв, о чем ниже.

7. Анализ фрагмента Va/11—14 и набросков Vб—в: решение принято

В строке (Va/11) отразилась амбивалентность сознания Онегина. С одной стороны, в строке представлена рече-поведенческая тактика выжидательности, нерешительности: «посмотрим» (т. е. пока неясно, в какую сторону пойдем). С другой стороны, Евгений (неожиданно для читателя) прибегает к тактике принятия решения: (он) «тотчас решил» (поступить так-то и так-то).

В строке (12) раскрыто решение Онегина — «навещать исправно». Но кого именно? Если вслед за публикаторами [БАСС] недописанное слово «сосед-» прочитать «соседей» или даже «соседок» — это звучит уклончиво. Если же вслед за великим пушкинистом [Гофман 1922: 87] прочитать «соседКУ» (а Н. В. Перцов отдает предпочтение именно этой версии), то уклончивость исчезает: Онегин без обиняков указал на соседку (и только на одну), за которой собирался ухаживать. Поскольку Ольга исключается, в строке (12) как нельзя отчетливее названа Татьяна. Пушкинские контексты показывают, что наречие «исправно» к настоящему времени устарело, изменило свою семантику и частотность³⁵ (вплоть до неупотребительности). В XIX в. оно еще имело широкую циркуляцию: в нейтральном употреблении «исправно» синонимично «добросовестно», но может приобретать и негативно-ироничную окраску (с импликацией: «по обязанности»).

Евгений собирался зачастиť к Лариным, но если к свободному от оценочных ассоциаций «часто» присовокупить (само)иронию, то как раз и выйдет «исправно».

Кроме того, «исправным» называли слугу. Предположительно скажем, что Онегин, насмехаясь над самим собой, насмешливо обязывался стать «покорным слугой» соседского семейства.

С изложенным согласуется (следующая) строка (13). С самого начала сказано сильно: (навещать) «как можно чаще», но далее интенсивность и еще повышается: «всякой день». (Впрочем, о культурологических обертонах «часто» и «каждый день» см. далее. Синонимичные в языке, они не синонимичны в культуре.)

Ситуация ежедневного посещения повторится, когда Онегин встретит Татьяну в Петербурге:

Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает *каждый день*...
За ней он гонится как тень... (Гл. 8, XXX).

Онегин действовал вопреки правилам приличий, и за их нарушение подвергался «пеням», да еще «строгим».

Сказав себе «как можно чаще — всякой день», Онегин не мог не понимать, что в глазах дворян (и уездных, и столичных) могло означать его частое и тем более ежедневное гостеванье. Он принял решение, чреватое далеко идущими (и неизбежными) последствиями.

³⁵ Существительное «исправность» в применении к людям совсем вышло из употребления.

Вплоть до исчезновения сословия дворян повторяющиеся (но ни в коем случае не ежедневные) приезды холостого мужчины в дом, где обитает девушка на выданье (и еще не обрученная), расценивались как «серьезные намерения». По истечении определенного срока дворянин был прямо обязан честью сделать предложение.

Отсюда масштаб решения Онегина является экзистенциальным: он примерял к себе возможность сделать предложение Татьяне (через какое-то время, когда частота визитов станет обязывающей).

По характерному для Пушкина сюжетному приему симметрии, Татьяна в Гл. 3, VI, VII, сразу после первой встречи страстно влюбившись в Онегина, также примеривалась к браку с Евгением.

Здесь есть нюанс. Если молодой человек с какого-то времени наезжал в дом, но до обручения дело еще не дошло, то этикет не позволял ему являться «слишком» часто и беседовать с девушкой наедине. Вот почему первоначальное намерение Онегина бывать у соседок «как можно чаще» надо понимать как знаковое поведение. Он мог приезжать так часто, как позволяют приличия («сколько допустимо»). «Часто» — понятие относительное, но одно несомненно: имплицитно, что визиты допустимы не каждый день.

Собственно, этикетную норму назвала сама Татьяна в письме к Онегину: «в неделю раз» (Гл. 3, Письмо Татьяны к Онегину). Даже если приезды в дом, где есть невеста, и не бывали слишком часты, но продолжались определенное время, то уже возникали определенные обязательства. «Вронский на балах явно ухаживал за Кити, танцевал с нею и ездил в дом, стало быть нельзя было сомневаться в серьезности его намерений». Когда же Вронский внезапно исчез, то возникла ситуация дуэли. В доме Щербацких не было мужчин, способных сделать вызов. Поэтому старый князь Щербацкий намеревался сам восстановить поруганную честь: «Законы против таких молодчиков всегда были и есть! Да-с, если бы не было того, чего не должно было быть, я — старик, но я бы поставил его на барьер, этого франта».

Когда же Онегин говорит, что будет наезжать «всякой день», то семиотическая ситуация меняется радикально. Это значит, что Евгений готов немедленно сделать формальное предложение и стать женихом. Ленской ежедневно проводил у Лариных свои вечера, поскольку был — и все об этом знали — обручен с Ольгой. Ежедневные визиты дозволялись только к невесте.

Вот характерная выписка из воспоминаний, связанных с нашумевшей дуэлью Новосильцова и Чернова: «Девушка Чернова действительно была красоты необыкновенной. Через несколько недель после знакомства Новосильцов сделал ей предложение и, получив согласие родителей ее на брак, <...> бывал у них ежедневно и, как жених, даже выезжал в своем экипаже вдвоем с невестой» [Декабристы 1988: 77]; см. также [Лаврентьева 2005: 280]. Только после того, как Новосильцов по всем обычаям обручился, он получил право ежедневных визитов (и другие, иначе невозможные, права)³⁶. Современник пишет: Новосильцов «в обращении с нею (девицей Черновой. — *Е. В.*) находился на той степени сближения, которая допускается только жениху с невестой» [Записка о поединке 1872: 336].

Аналогично и Онегин мог навещать соседок ежедневно и говорить с Татьяной наедине только после того, как посватается и будет принят. Иначе говоря, намерения Онегина по отношению к Татьяне сразу же зашли весьма далеко.

Пушкин, конечно, сознавал, что «как можно чаще» и «всякой день» в речи могут быть поняты как простое уточнение, и он принял меры, чтобы исключить синонимию.

Если бы имелась в виду синонимика (пусть и с возрастанием интенсивности смысла), то поэт поставил бы запятую или не употребил бы (как делал часто) никакого знака препинания. Он, однако, употребил размашистое тире.

³⁶ Речь идет о предполагавшемся браке флигель-адъютанта императора Александра I В. Д. Новосильцова (1800—1825). Сделав предложение, он впоследствии стал уклоняться от свадьбы, чем нанес семье бесчестье. Брат невесты подпоручик (член Северного общества) К. П. Чернов вызвал Новосильцова на дуэль, в итоге которой оба погибли. Происшествие вызвало большое волнение в Петербурге.

Тире в данном случае можно понять по аналогии с другой фразой, где употреблен тот же опорный глагол (рѣшилъ) и поставлен тот же знак тире (см. Приложение 5): «Рѣшилъ — и скоро сталъ Евгѣнїи / Какъ Ленской»³⁷. Здесь тире сигнализирует о повороте в следовании событий: сначала решил в уме, а затем действительно повел себя таким-то образом.

Точно так же Онегин намеревался поначалу наезжать всего лишь «как можно чаще» (чтобы, говоря по-простецки, не более чем поухаживать за Татьяной), а затем пожелал из обожателя сразу перейти в статус жениха и невозбранно видѣться и говорить с невестой «всякой день».

В строке (14) «Ведь им досуг, а нам не лень» реализован общезыковой оборот «дательный + “(не) лень”»; он означает «нам (не) охота». Предстоящие посещения Евгения были для него в радость.

Что касается отложившегося в черновике варианта «Вдове», то он вносит нюанс в понимание душевного мятежа Евгения. В строке (14), наряду с «Вдове», имеются еще два варианта: «Ведь» (дважды) и «Ему». Включение вариантов в полустрочь по отдельности («Ведь им досуг...», «Ему досуг...», «Вдове досуг...») дает в целом три смысла.

Чтобы их интерпретировать, нужно обратиться к топологии черновика.

Вариант «Ведь» (с прописной литерой) был первоначальным; тому две причины: 1) прописная буква говорит, что этой частицей поэт начинал последнюю строку строфы Va; 2) именно «Ведь» не выходит за границы строфы и не нарушает «столбика» (расположения стихов одного под другим). Другой вариант («Ему») следует сразу после зачеркнутого «Ведь». Третий вариант («Вдове») помещен над строкой (14) и выпячивается налево.

Сделанные топологические наблюдения позволяют реконструировать последовательность авторедактирования: написав «Ведь», поэт передумал, зачеркнул «Ведь» и поставил «Ему», зачеркнул это слово, надписал над ним снова «Ведь» и пошел по строке (14) далее: «им досуг, а нам не лень». И этот вариант поэта не устроил, он снова зачеркнул надстроочное «Ведь» и сильно левее его написал «Вдове», забыв зачеркнуть на строке (14) «им».

Подчеркнем, что этот третий вариант «Вдове» (тоже затем зачеркнутый) не приписан, а надписан над строкой (значит, после вымарки и «Ведь», и «Ему»). Поэт в третий раз употребляет прописную букву; значит, строка (14) могла начинаться и со «Вдове».

О том, что «Вдове» — это последний вариант, свидетельствует также изменившийся цвет чернил. Если основной текст строфы написан густыми черными чернилами, то отсроченную правку строфы поэт производил чернилами меньшей интенсивности (разбавленными?). Этими «рыжими» чернилами он написал слова «В уме» (4), «Соседку» (12) и как раз «Вдове» (14).

Впрочем, все эти варианты (включая дважды повторенное «Ведь») были вычеркнуты. Окончательный выбор, видимо, состоялся во время переделки черновика, если таковая была.

Варианты строки (13) выявляют смысловую многослойность. На первом плане здесь — ложная мотивация поступков, которой Евгений во внутреннем диалоге (передав голос скептику) хочет прикрыть свои мысли и намерения. Как Ленской, говоря о привязанности к домашнему кругу, хотел скрыть от Онегина свою любовь, так и Онегин, декларируя мнимое желание скрасить «досуг вдовы», обманывал — на сей раз самого себя.

Он уже капитулировал (о чем будет отчетливо сказано в строфах Vб и Vв), но гордыня все еще не позволяет байронисту себе в этом признаться.

Вариант «Ему досуг» имплицитно, что у Евгения, вопреки его деятельному образу жизни, могло оставаться много праздного времени, поэтому-де он и будет ездить (чтобы «убить время»). Это, конечно, всего лишь еще одна благовидная (ложная) причина.

Вариант «Вдове досуг» — прямое лицемерие. Выходит, что Евгений будет ездить, чтобы скрасить досуг «старушки Лариной». Абсурд! Такова вторая ложная причина.

³⁷ Хотя в БАСС обычно воспроизводится пунктуация черновиков, на сей раз [БАСС: 308] отлично заметное тире опущено. В рукописи же тире выписано размашисто (густыми чернилами и толстым пером; затем употребляются тонкое перо и более светлые чернила).

Строку (14) как точную передачу внутренней речи Онегина можно было бы для ясности закавычить.

Наконец, употребление в «нам не лень» (14) местоимения множественного числа заставляет задуматься. На протяжении строфы, говоря о себе одном, Онегин трижды употребляет местоимения и глаголы единственного числа: «Неужто я в нее влюблен» (8), «Я рад — оно-б мне было славно» (9), «<Себя> <уж> то-то б одолжил» (10). В двух случаях, продолжая говорить только о себе, Евгений употребил множественное число: «Посмотрим» (11) и «нам не лень» (14).

Множественное число в первом случае — привычный оборот, не имплицитный, что участников действия больше одного.

О событиях будущего не говорят «Посмотрю», тогда как сказать «Посмотрим» исключительно о себе — узуально. Ср. выписки из пушкинских произведений: «“Посмотрим” — сказал он [Швабрин] — “сдержишь ли ты свое слово”» («Капитанская дочка», гл. IV); «Альбер. Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет» («Сцены из рыцарских времен»)³⁸.

По подсказке узуса реплику «Посмотрим» Онегин определенно отнес к себе единому и не имел в виду кого-либо еще.

В свое время было правильно отмечено, что для диалогов в «Евгении Онегине» характерен «красноречивый мимизм»: «...все действие романа разворачивается мимически — в жестах и движениях» [Слонимский 1963: 336]³⁹.

Соответственно, реплика «Посмотрим», хотя и принадлежит внутренней речи героя, определенно сопряжена с воображаемым жестом, а впрочем, может быть выполненным реально, пусть и в молчании. Такое бывает, когда, размышляя сам с собой, человек в одиночестве исполняет жест. В то же время жест мог остаться во внутренней речи.

Принятие решения русские сопровождают неким «решительным» жестом, — например, резкого взмаха рукой сверху вниз. (Однозначной связи нет, поскольку «махнуть рукой» — жест полисемантический.)

Приняв сначала одно решение, а потом переменяв его на противоположное, подобный (воображаемый?) жест выполнил Ленский:

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок. (Гл. 6, XIII).

Ср. также: «Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, *махнул рукой* и решился отступить» («Станционный смотритель»).

Готовность на брак Пушкин однажды назвал «решительным переворотом» в жизни человека (в письме П. В. Нащокину от 10-го января 1836 г.). Соответственно, в строке (11) энергичная фраза «Посмотрим — и тотчас решил» в предполагаемом реальном или воображаемом сопровождении жестом знаменует именно такой «крутой поворот» в жизни Онегина (и поворот сюжета). Не случайно глагол «решил» повторяется в начале строфы Vб («<Решил> — и скоро стал Евгений / Как Ленский»). Здесь употреблением прошедшего времени глагола «стать» (= измениться, перейти из одного состояния в другое) демонстрируется бесповоротность решения: «решил — и сделал».

Итак, «Посмотрим» — узуальное речение. Другое дело «нам не лень» (14). С одной стороны, здесь можно снова усмотреть диктующую роль узуальности. Тогда «нам» предстанет как обобщенно-личное местоимение, не имеющее отношения к реальной множественности:

³⁸ Аналогичные узуальные употребления синонимичных глаголов: «поглядим», «(поживем,) увидим».

³⁹ Этот тезис пополнен материалом в диссертации В. В. Одинцова [Одинцов 1967].

«нашему брату (не лень)». С другой стороны, можно также — и это вероятнее — усмотреть в местоимении «нам» именно реальную множественность.

Говоря о себе одном раньше, Евгений употребил «мне» (9). Что заставило его теперь прибегнуть к «нам»? Затекут (при попытке включить в него и то, что не высказано прямо) правдоподобно подсказывает: «молодой повеса» предполагал навещать соседок не один, а вдвоем — вместе с Ленским. Совместность вытекает из дружеских отношений между ними. Стало быть, «мы» здесь реально означает: «больше одного».

Заканчивая анализ строфы Va, отметим ее высокую содержательную ценность: любовь за одну ночь победила модный байронизм героя романа. В языковом и поэтическом отношении строфа безупречно отделана. Какой же это (по Набокову) «фальшарт»?

Обратимся к наброску Vb.

Если строфа V доведена Пушкиным до печати, то строфа Va, хотя она также отшлифована для пригодности к печати, осталась в черновике. Остались в черновике и два наброска, тематически относящиеся к решению Онегина.

Первый из них («<Решил> — и скоро стал...») был рассмотрен выше, а второй («Ужель Онегин в самом деле / <Влюбился>») можно было бы и не рассматривать специально, поскольку его смысл очевиден. Если уж все-таки ответить на риторический вопрос, то: «Сомнения нет: увы! Евгений / В Татьяну как дитя влюблен» (Гл. 8, XXX).

На факсимиле рукописи видно, что между строфами Vб и Vв имеются три зачеркнутые строки. Они, как упоминалось, по-разному прочитаны Н. В. Перцовым и Я. Л. Левкович.

Не желая принять чью-либо сторону, рассмотрим одну строку по версии Левкович, поскольку она связана с темой любви Онегина. Фраза «Того желать б я был и рад» продолжает линию решимости Онегина, но вносит существенный нюанс: наконец-то герой навсегда оставил байронический скепсис и согласился, что испытываемое им чувство можно себе только пожелать и что оно несет с собой радость.

Часть пушкинистов совокупляет наброски Vб и Vв в одну строфу — второй мыслится как замена первого. Между тем В. В. Набоков присваивает наброскам самостоятельные литературные номера (у него с латинскими буквами) [Набоков 1998: 292—293]⁴⁰ и посредством этой рядопологающей нумерации показывает, что «наброски» не суть взаимоисключающие варианты (в составе одной строфы), а начала двух самостоятельных строф.

В поддержку догадки пушкиниста укажем, что тексты «набросков» в черновике отделены пространством, не пересекаются ни одним словом и по смыслу не повторяют друг друга.

Это наблюдение чрезвычайно важно для постижения замысла поэта.

Тематика строф Vб и Vв обозначена недвусмысленно: влюбленность и (по примеру Ленского) сопряженное с нею жениховство Онегина. Поскольку онегинская строфа всегда насчитывает 14 строк, то это означает, что Пушкин намеревался расширить оба наброска и написать еще два раза по 12 полных строк (3—14) и два раза — по полустроке (3). Таким образом, общим числом недостает 29 строк.

Поскольку строфа V (14 строк) готовит к восприятию «решительной» строфы Va (14 строк), то получается, что тематике влюбленности с первого взгляда Пушкин намеревался посвятить (14 + 14 + 29) 57 строк. Для пространства романа в стихах — очень много.

Теперь о принципе симметрии, характерном для сюжетосложения Пушкина. Описав душевное состояние своего героя, Пушкин, следуя указанному принципу, должен был посвятить мгновенной влюбленности Татьяны примерно столько же места, сколько занимает страсть Евгения.

Это ожидание подтверждается: три строфы, которые примыкают к V и Va — в (а именно: Гл. 3, VI—VIII), состоят из 42 строк. Они передают непосредственное (прозаически сказать: неотсроченное) чувство героини — в ту же ночь после визита, на следующий день. В этих трех строфах еще не видно, что Онегин так и не появился у Лариных.

⁴⁰ Поскольку у нас предпочитается кириллица, то уже в разделе статьи «Предварительные замечания» первому наброску мы присвоили номер «с буки» — Vб, а второму «с веи» — Vв.

В строфе VI содержится отчетливый намек, что окружающие заметили и правильно оценили впечатление, которое Татьяна произвела на Евгения. Времени для наблюдений было достаточно — целый день («В деревне день есть цепь обеда» (Гл. 3, III/9)⁴¹. Пушкин отдельно упоминает, что Онегина разглядывали-«примечали» (Гл. 2, XII/11) сбежавшиеся для этой цели дворовые девушки⁴². Благородные участники обеда также не сидели с закрытыми глазами.

Напротив, в той же строфе сказано, что и «на всех» Онегин произвел «большое впечатление». Причем такое, которое сразу же им всем позволило «Татьяне прочить жениха» (Гл. 3, VI/8). Татьяна также не на пустом месте принялась мечтать об Онегине и стала примерять к себе замужество с ним: она «с неизъяснимою отрадой / Невольно думала о том» (Гл. 3, VII/3—4).

Впрочем, начиная со строфы IX, наступает разочарование: вместо свиданий с возлюбленным Татьяна принуждена довольствоваться чтением любовных книг. Действительно, в строфах IX—X предмет описания меняется: им становится любовь Татьяны на протяжении уже длительного времени. Поэт приводит длинный список авторов и персонажей: героиня после встречи с Евгением прочитала немало книг. По протекшему времени уже ясно, что Онегин не повторил своего визита.

Не дождавшись, Татьяна «шепчет наизусть / Письмо для милого героя» (X). При всей интенсивности чувства оно перешло, так сказать, в привычный период.

Таким образом, если любви с первого взгляда Онегина посвящены 59 строк, то мгновенной любви Татьяны — 42 строки. Характерная пушкинская симметрия, как сказано, соблюдена.

Строфа IX косвенно показывает, что сюжет переменялся: теперь речь пойдет не о взаимной, а о безответной любви.

Пушкин, вопреки принципу не убирать противоречий, в данном случае вопиющее противоречие устранил — отказался от строфы Va и не стал дописывать строф Vб и Vв.

Все вышеизложенные наблюдения (в разделах статьи 2—7), любопытные сами по себе, сделаны, однако, ради общей догадки о перемене сюжета романа. Надо их теперь сокопить.

8. Признаки изменения сюжета «Евгения Онегина»

Набоков посчитал, что литературные строфы Va—в свидетельствуют о том, что вплоть до их написания в голове Пушкина содержался «традиционный сюжет»⁴³. Затем он, надо думать, переменялся на «нетрадиционный». Термины касаются генезиса феномена, но о его сути ничего не сообщают.

Набоков не разъяснил, какой именно сюжет он имеет в виду. Скорее всего, ученый намекал на романтический шаблон, когда герой и героиня с первого взгляда влюбляются друг в друга и затем, сохраняя верность, преодолевают всяческие препятствия.

Собственно, именно такой сюжет «традиционного романа» Пушкин однажды (как отступление) описал в качестве расхожего, типичного. Описание пародийно, а пародия всегда содержит отсылку к фоновым знаниям читательской аудитории; отсюда пародия может служить источником положительных сведений.

По словам поэта, «роман на старый лад», отвечая ожиданиям публики, должен содержать «любви пленительные сны», «речи неги страстной», «условленные встречи», «тайные злодейства», «несчастной ревности мученья», «ссоры» между любящими, «разлуку», «слезы примиренья», но под конец романист обязан подвести героев «под венец» (Гл. 3, XIII—XIV).

⁴¹ Строфа III ныне публикуется в объеме строк (1—8), а показываемая в современных изданиях отточиями строка (9) выписана из черновика.

⁴² См. сноску 16.

⁴³ «Традиционным» названо то, что воспринято человеком извне и повторено им.

О том, что публика, прочитав первые главы «Онегина», ожидала именно такого сюжетного развития, свидетельствует Е. А. Баратынский (в письме Пушкину от конца февраля — начала марта 1828 г.): «Вышли у нас еще две песни “Онегина”. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и, разумеется, не находят».

Роман писался долго: по подсчетам самого Пушкина, ушло «7 ле<т> 4 ме<сяца> 17 д<ней>» [БАСС: 532]. Между написанием отдельных глав бывали паузы. «Менялся автор, менялся читатель, менялась эпоха», и эти «внешние обстоятельства» не могли не сказаться на «первоначальном замысле Пушкина» [Лотман 1988: 32—33].

В чем состоял этот замысел изначально, не известно, потому что план романа, если и был, не сохранился⁴⁴. Да и был ли «первоначальный замысел»? Ср. категорическое суждение: «...Надо совершенно отбросить предположение о том, что определенного замысла вообще не было» [Дьяконов 1982: 78]. Между тем повод, чтобы предполагать отсутствие точного замысла в начале написания, дал сам поэт (Гл. 8, L). Кроме того, П. А. Вяземский⁴⁵, знавший всю подноготную Пушкина, свидетельствует, что «поэт не имел первоначально преднамеренного плана. Он писал “Онегина” под вдохновениями минуты и под наитием впечатлений, следовавших одно за другим». В целом, конечно, надо согласиться: в «Евгении Онегине» несомненно присутствие сюжетных поворотов такого рода, которые называются *impromptu*.

Каковы были эти изменчивые замыслы, высказывалось немало суждений, основанных на фактах: начиная от перемен в определении жанра будущей книги (сначала «поэма в главах» и сатира, потом «роман в стихах» и бытописание) и переименований главной героини (Ольга — Наташа — Татьяна) вплоть (по воспоминаниям М. В. Юзефовича) до гибели Онегина на Кавказе или прихода к декабристам. Ясно, что сюжета с декабристами хронологически не могло быть в первоначальном замысле. Кроме того, надо принять во внимание, что Пушкин, однажды поставив точку, позже по настоянию друзей взвешивал возможность продолжения романа.

Факты фактами, но бытовали и легенды о неустойчивости замысла. Они недостоверны, но полезны для постижения «ауры» романа того периода, когда еще не были дописаны последние главы. С одной стороны, Пушкин якобы намеревался заставить Онегина увести Татьяну от мужа⁴⁶; с другой стороны, он якобы, напротив, хотел «устроить» Татьяну через ее счастливый брак с «генерал-адъютантом»⁴⁷ и т. д.

Сюжет романа (кажется, по самосвидетельству) претерпевал изменения вопреки воле поэта: «Представь, какую штуку “удрала” со мной Татьяна: выскочила замуж»⁴⁸. Даже если такие слова и не были сказаны, их следовало бы выдумать.

⁴⁴ В целом же поэт, как правило, записывал планы своих произведений, иногда даже отдельных стихотворений.

⁴⁵ В комментарии к статье А. Мицкевича «Биографическое и литературное известие о Пушкине».

⁴⁶ Об этом писал Л. Н. Павлищев (племянник Пушкина по матери). Его мать, Ольга Сергеевна, вышла замуж «кубегом» и обвенчалась тайно. Когда Пушкин узнал об этом событии, то он якобы сказал сестре: «Ты мне испортила моего Онегина: он должен был увести Татьяну, а теперь <...> этого не сделает». Банальный сюжет, когда герой тайно увозит героиню, присутствует у самого Пушкина и входит в традиционные романтические представления; см. [Вересаев 1984].

⁴⁷ Тот же П. А. Вяземский и в той же публикации привел следующую легенду: «Одна умная женщина, княгиня Голицына, урожденная графиня Шувалова, <...> царствовавшая в петербургских и заграничных салонах, сердечно привязалась к Татьяне. Однажды спросила она Пушкина: “Что думаете вы сделать с Татьяною? Умоляю вас, устройте хорошенько участь ее”. “Будьте покойны, княгиня”, отвечал он, смеясь, “выдам ее замуж за генерал-адъютанта”. “Вот и прекрасно”, сказала княгиня. “Благодарю”»; см. [Вересаев 1984].

⁴⁸ Афоризм слышал и записал со слов Толстого Г. А. Русанов во время пребывания в Ясной Поляне (24—25 августа 1883 г.). При этом Толстой якобы ссылался на свидетельство Е. Н. Мещерской.

Уже упоминалось, что читатели по крайней мере первых трех глав ожидали от Пушкина романтического сюжета. Читательские ожидания эпохи, как всегда бывает, «самодержавно» диктуют автору сюжет, даже если он и не отдает себе в этом отчета. Между тем в 1820—1830-е гг. развязок романтических приключений было не так много: либо счастливый брак героев, либо смерть одного из них [Дьяконов 1982: 85]. Так, у типичного представителя романтизма Е. А. Баратынского в поэмах «Эда» и «Бал» погибают обе героини, а в поэме «Цыганка» гибнет романтический герой (и т. д.).

Присоединяясь к Б. В. Томашевскому⁴⁹, И. М. Дьяконов заключает, что первоначально Пушкин не был готов «порвать с композиционными канонами, соблюдавшимися его современниками» [Там же].

Как бы то ни было, если допустить, что Пушкин какое-то время держался сюжета о первоначальной взаимной любви Татьяны и Онегина, то этот замысел, как и любую другую догадку, нельзя исключать. Более того, этот замысел как романтический вероятен.

Научная литература (отечественная и зарубежная), прямо или косвенно посвященная движению сюжета «Евгения Онегина», необозрима. В то же время, кажется, в ней (за исключением статьи С. Г. Бочарова) не нашлось интерпретационного анализа строф V и Va—в.

Между тем именно сюжет взаимной любви владел Пушкиным долгое время — до того, как Евгений разочаровал Татьяну, заставив ее погрузиться в чтение (т. е. до строфы (Гл. 3, IX)). Вероятно, постепенно романтический сюжет взаимной любви с первого взгляда показался поэту слишком банальным.

Таким образом, наши разыскания, смеем думать, позволяют по-новому взглянуть не только на смыслы конкретных четырех строф, но и на поиски Пушкиным сюжетов в «Евгении Онегине».

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»⁵⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- БАСС — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1—16. Т. 6: «Евгений Онегин». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949 (= «Большое академическое собрание сочинений»). [Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1—16. T. 6: «Evgenii Onegin»* [The complete works. Vol. 1—16. Vol. 6: «Eugene Onegin»]. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1937—1949.]
- Берков 1962 — Берков П. Н. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина») // Русская литература. 1962. № 1. С. 60—63. [Berkov P. N. «Brave king» or «brave satire»? (Towards the textology of Stanza XVIII, Chapter I of «Eugene Onegin»). *Russkaya literatura*. 1962. No. 1. Pp. 60—63.]
- Бочаров 1986 — Бочаров С. Г. Проблема реального и возможного сюжета («Евгений Онегин») // Генезис художественного произведения. Материалы советско-французского colloquiuma. М. (напеч. на множ. аппарате), 1986. С. 143—155. [Bocharov S. G. A problem of the real and possible plot («Eugene Onegin»). *Genезis khudozhestvennogo proizvedeniya. Materialy sovetsko-frantsuzskogo kollokviuma*. Moscow, 1986. Pp. 143—155.]
- Бочаров 1999 — Бочаров С. Г. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 17—46. [Bocharov S. G. About the possible plot: «Eugene Onegin». Bocharov S. G. *Syuzhety russkoi literatury*. Moscow: Jazyki Russkoj Kul'tury, 1999. Pp. 17—46.]
- Бродский 1950 — Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М.: Учпедгиз, 1950. [Brodskij I. A. «Evgenii Onegin». *Roman A. S. Pushkina* [Brodsky N. L. Eugene Onegin. A. S. Pushkin's novel]. Moscow: Uchpedgiz, 1950.]

Поскольку свидетельство единично, возможно, что перед нами легенда. Как бы то ни было, писатель применил афоризм к себе: «То же самое и я могу сказать про Анну Каренину» [Толстой 1955: 231—232].

⁴⁹ Ученый пишет, что в 1823 г. Пушкин «не освободился еще в полной мере от романтического сознания» [Томашевский 1961: 94].

⁵⁰ Пушкин, см. выше сн. 4.

- Вайль 1991 — Вайль П. Л. Вместо «Онегина» // Интернет-ресурс <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00389591266351754679/>. [Vail' P. L. *Vmesto «Onegina»* [Instead of «Onegin»]. Available at: <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00389591266351754679/>.]
- Вересаев 1984 — Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1984. [Veresaev V. V. *Pushkin v zhizni. Sistematicheskii svod podlinnykh svidetel'stv sovremennikov* [Pushkin in his life. A systematic collection of authentic evidence of contemporaries]. Moscow: Moskovskii Rabochii, 1984.]
- Верещагин 2013 — Верещагин Е. М. Современная библеистика в общедоступном изложении. М.: Лада, 2013. [Vereščagin E. M. *Sovremennaya bibleistika v obshchedostupnom izlozhenii* [Modern Bible studies in popular presentation]. Moscow: Lada, 2013.]
- Верещагин, Костомаров 2000а — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Рече-поведенческое исследование притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 90—117. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. A speech — behavioristic study of Pushkin's parable on the prodigal daughter. *Voprosy Jazykoznanija*. 2000. No. 2. Pp. 90—117.]
- Верещагин, Костомаров 2000б — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Хранитель и Творец русского языка и культуры. Опыт применения методик исчисления смыслов к произведениям А. С. Пушкина. М.: Икар, 2000. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. *Khranitel' i Tvorets russkogo yazyka i kul'tury. Opyt primeneniya metodik ischisleniya smyslov k proizvedeniyam A. S. Pushkina* [A Guardian and Creator of the Russian language and culture. Application of sense calculus methods to the works of A. S. Pushkin]. Moscow: Ikar, 2000.]
- Верещагин, Костомаров 2000в — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные рече-поведенческие тактики. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2000. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. *V poiskakh novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: singulyarnye reche-povedencheskie takтики* [Looking for new trends of culture-oriented linguistics: singular speech behavior tactics]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2000.]
- Верещагин, Костомаров 2005 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three conceptions of culture-oriented linguistics: lexical background, speech behavior tactics and sapienteme]. Moscow: Indrik, 2005.]
- Гофман 1922 — Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина». П.: Атений, 1922. [Gofman M. L. *Propushchennye strofy «Evgeniya Onegina»* [Omitted stanzas of «Eugene Onegin»]. Petrograd: Atenei, 1922.]
- Дашкевич 1907 — Дашкевич Н. [П.] Отголоски увлечения Байроном: разочарование, грезы о свободе вне цивилизованного общества и сомнения в поэзии Пушкина // Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Т. II. Ч. 2. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1907. С. 425—450. [Dashkevich N. [P.] Echos of fascination with Byron: disappointment, dreams about freedom out of civilized society and doubts about Pushkin poetry. *Biblioteka velikikh pisatelei pod redaktsiei S. A. Vengerova. Pushkin*. Vol. II. Pt. 2. St. Petersburg: Brokgauz & Efron, 1907. Pp. 425—450.]
- Декабристы 1988 — Декабристы в воспоминаниях современников. Сб. статей / Сост., общ. ред., вступит. ст. и комм. В. А. Федорова. М.: Издательство МГУ, 1988. [Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov. Sb. statei / Sost., общ. ред., вступит. ст. и комм. В. А. Федорова. М.: Издательство МГУ, 1988. [Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov. Sb. statei [The Decembrists in memoirs of the contemporaries. A collection of articles]. V. A. Fedorov (comp., ed., introd. and comments). Moscow: Moscow State Univ., 1988.]
- Дьяконов 1982 — Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука, 1982. С. 70—105. [D'yakonov I. M. About the history of «Eugene Onegin» conception. *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Vol. 10. Leningrad: Nauka, 1982. Pp. 70—105.]
- Жирмунский 1978 — Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. [Zhirmunskii V. M. *Bairon i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad: Nauka, 1978.]
- Записка о поединке 1872 — Записка о поединке Новосильцова с Черновым. (Составлена в сентябре 1825 г.) // Деятельный век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевным. Кн. 1. М., 1872. [A report of the duel of Novosil'tsov and Chernov. (Prepared in September 1825). *Devyatnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym*. Book 1. Moscow, 1872.]
- Лаврентьева 2005 — Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства Пушкинской поры. Этикет. М.: Молодая гвардия, 2005. [Lavrent'eva E. V. *Povsednevnyaya zhizn' dvoryanstva Pushkinskoi pory. Etiket* [Everyday life of Pushkin's time nobility. Etiquette]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2005.]

- Левичева 2001 — Левичева Т. И. Письма А. С. Пушкина Южного периода (1820—1824). Проблемы текстологии. М.: Наука, 2001. [Levicheva T. I. *Pis'ma A. S. Pushkina Yuzhnogo perioda (1820—1824). Problemy tekstologii* [A. S. Pushkin's letters of the Southern period. Problems of textology]. Moscow: Nauka, 2001.]
- Левкович 1995 — Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834 (история заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб.: Наука, 1995. С. 201—234. [Levkovich Ya. L. Pushkin's workbook PD, No. 834 (history of filling in). *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Vol. 15. St. Petersburg.: Nauka, 1995. Pp. 201—234.]
- Лосев 2006 — Лосев Л. В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. [Losev L. V. *Iosif Brodskii. Opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky. An attempt of literary biography]. M.: Molodaya Gvardiya, 2006.]
- Лотман 1988 — Лотман Ю. М. Принцип противоречий // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 32—49. [Lotman Yu. M. A principle of contradiction. Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin, Lermontov, Gogol'. Kniga dlya uchitelya*. Moscow: Prosveshchenie, 1988. Pp. 32—49.]
- Набоков 1998 — Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПБ, Набоковский фонд, 1998. [Nabokov V. V. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»* [A commentary to «Eugene Onegin» novel by A. S. Pushkin]. St. Petersburg.: Iskustvo-SPB, Nabokov's Fund, 1998.]
- Одинцов 1967 — Одинцов В. В. Диалог у Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1967. [Odintsov V. V. *Dialog u Pushkina*. Kand. diss. [Dialogue in Pushkin's texts. Cand. diss.]. Moscow: Russian Language Insitute, Acad. of Sciences of the USSR, 1967.]
- Перцов 2015 — Перцов Н. В. Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков // Филологические науки. 2015. № 1. С. 75—94. [Pertsov N. V. On authentic facsimile-transcriptional representation of manuscripts of Russian classical writers. *Filologicheskie nauki*. 2015. No. 1. Pp. 75—94.]
- Рабочие тетради 1996 — А. С. Пушкин. Рабочие тетради. Факсимильное воспроизведение. В 8 т. Т. 4: Рабочая тетрадь 1822—1824 гг. (Первая масонская) ПД 834; Рабочая тетрадь 1824—1827 гг. (Вторая масонская) ПД 835; Рабочая тетрадь 1824—1827 гг. (Третья масонская) ПД 836. СПб.; Лондон: без указания издательства, 1996. [A. S. Pushkin. *Rabochie tetradi. Faksimil'noe vosproizvedenie* [Workbooks. Facsimile reproduction]. In 8 vol. Vol. 4: *Rabochaya tetrad' 1822—1824 gg. (Pervaya masonskaya)* [Workbook 1822—1824 (The First Masonic)] PD 834; *Rabochaya tetrad' 1824—1827 gg. (Vtoraya masonskaya)* [Workbook 1824—1827 (The Second Masonic)] PD 835; *Rabochaya tetrad' 1824—1827 gg. (Tret'ya masonskaya)* [Workbook 1824—1827 (The Third Masonic)] PD 836. St. Petersburg; London: sine nomine, 1996.]
- Слонимский 1963 — Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М.: Художественная литература, 1963. [Slonimskii A. L. *Masterstvo Pushkina* [Pushkin's mastery]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1963.]
- Тархов 1978 — Тархов А. [Е.] Комментарий // А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М.: Художественная литература, 1978. С. 199—299. [Tarkhov A. [E.] Commentary. A. S. Pushkin. *Evgenii Onegin*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1978. Pp. 199—299.]
- Толстой 1955 — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1955. [L. N. Tolstoi v vospominaniyakh sovremennikov [L. N. Tolstoi in memoirs of the contemporaries]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1955.]
- Томашевский 1961 — Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [Tomashevskii B. V. *Pushkin. Kn. 2. Materialy k monografii (1824—1837)* [Pushkin. Book 2. Materials for the monograph. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1961.]
- Фомичев 2004 — Фомичев С. А. «...Глаза над буквами скользят...» (К проблеме пушкинской текстологии) // «...Он видит Новгород Великой»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая — 4 июня 2004 г. СПб.; Новгород (без изд-ва), 2004. [Fomichev S. A. «...Glaza nad bukvami skol'zyat...». The problem of Pushkin textology revisited. «...On vidit Novgorod Velikoi»: *Materialy VII Mezhdunarodnoi pushkinskoi konferentsii «Pushkin i mirovaya kul'tura»*. Velikii Novgorod, May 31 — June 4, 2004. St. Petersburg; Novgorod (sine nomine), 2004.]